

Позолота

МАРИССА МЕЙЕР

Позолота

Марисса Мейер

Позолота

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Мейер М.

Позолота / М. Мейер — «Издательство АСТ»,
2021 — (Позолота)

ISBN 978-5-17-137852-3

Давным-давно Серильда, дочь бедного мельника, получила неожиданный подарок от бога лжи – талант сочинять удивительные, завораживающие истории, в которых, кажется, нет ни слова правды. Одна из ее диковинных выдумок привлекла внимание жуткого Ольхового Короля и его свиты. И вот Серильда заперта в страшном замке и должна превратить солому в золото... Иначе ее ждет смерть. Она в отчаянии, но некий таинственный юноша предлагает помощь... Разумеется, не просто так. Вскоре Серильда узнает, что стены ужасного замка хранят немало тайн. Например, тайну одного древнего проклятия. Тот, кто разгадает ее, положит конец власти Ольхового Короля и Дикой Охоты...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-137852-3

© Мейер М., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Первый день Нового Года	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Голодная Луна	30
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	47
Глава 12	54
Глава 13	59
Глава 14	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Марисса Мейер

Позолота

Copyright © 2021 by Rampion Books, Inc.

©Е. Мигунова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Посвящается Джилл и Лиз.
Мы вместе вот уже десять лет и пятнадцать книг.
Ваша поддержка, помощь и дружба ценнее любого золота.*

*Так и быть.
Расскажу вам историю, расскажу, как все было на самом деле.*

Первое, что нужно знать: вины моего отца в том не было. Или невезения, или обмана. И уж точно, никакого проклятия. Я знаю, кое-кто пытается обвинять его, да только он к этому почти никакого отношения не имеет.

И еще вот что скажу: нет в этом и одной только моей вины. Или невезения, или обмана. И уж точно, никакого проклятия.

Ну, ладно.

Немного обмана, пожалуй, было, но совсем чуть-чуть.

Но лучше я начну с начала. С настоящего начала.

Началась эта история девятнадцать лет назад в день зимнего солнцестояния, во время редкой Незакатной Луны.

Хотя точнее было бы сказать, что началось все в стародавние времена, когда чудовища еще свободно проходили сквозь завесу, которая теперь отделяет их от смертных, и демоны иной раз влюблялись.

Но для моего рассказа важно, что началось все во время Незакатной Луны. Небо было мрачно-серое, а над землей, предвещая бурю, разносился леденящий душу вой гончих псов и топот копыт. Дикую Охоту видали здесь и прежде, но в тот год она явилась не только за пропащими грешниками, никчемными пропойцами, да непослушными детьми, которые озорничали в самое неподходящее время. Другим был тот год – ведь Незакатная Луна наступает лишь тогда, когда зимнее солнцестояние совпадает с самым что ни на есть полным полнолунием.

Это единственная ночь, когда великим богам приходится принимать звериное обличье. Они становятся огромными. Мощными. И поймать их почти невозможно. Но, если повезет, если ты будешь достаточно ловким и поймаешь такую добычу, бог исполнит твое желание.

Вот чего искал в ту роковую ночь Ольховый Король. Собаки выли и ярились, преследуя одно из таких чудовищных созданий. Ольховый Король выстрелил из лука, и его стрела пронзила громадное золотое крыло зверя. Король был уверен, что его желание исполнится.

Но зверь, хоть и был ранен, с поразительной силой и ловкостью вырвался из кольца гончих и скрылся в чаще Ясеневого леса. Псы бросились в погоню, но чудовище исчезло, дело близилось к рассвету, и охоту пришлось прекратить.

Над снежным покрывалом едва забрезжил утренний свет, и молодой мельник, проснувшись рано, отправился на реку, чтобы проверить, не стала ли река и не вмерзло ли мельничное колесо в лед. Тут-то он и увидел чудовище, прятавшееся в тени колеса. Оно очень ослабело

и, наверное, давно бы умерло, если бы боги могли умирать. Из окровавленных перьев торчала стрела с золотым наконечником.

Мельник очень испугался, но все-таки растерял не всю свою храбрость. Он подошел ближе, с трудом обломил и вытащил стрелу. Едва он это сделал, как зверь превратился в бога историй. Поблагодарив мельника за помощь, он сказал, что исполнит одно его желание.

Долго думал мельник, что попросить, и в конце концов признался, что недавно полюбил девушку из деревни – добросердечную и свободную духом. Он хотел, чтобы бог даровал им дитя, здоровое и крепкое.

Бог кивнул и сказал, что выполнит желание.

На будущий год, к зимнему солнцестоянию мельник женился на девушке из деревни, и родилась у них дочь. Девочка была здоровой и крепкой – бог историй не обманул мельника.

Но у каждой истории есть две стороны. Герой и злодей. Тьма и свет. Благословение и проклятие. Мельник не знал, что бог историй был также и богом лжи. Богом-шутником.

Вместе с благословением от «крестного» девочка получила особую отметину – глаза, которым нельзя доверять, с радужными оболочками, черными, как сама тьма, и окруженными золотым ободком с восемью тоненькими золотыми спицами. Колесо рока и фортуны – а оно, как вам хорошо известно, является величайшим обманом на свете.

Такие странные глаза подсказывали каждому, кто их видел, что этого ребенка коснулась древняя магия. Пока девочка росла, суеверные жители деревни старались избегать ее – из-за странного взгляда и череды несчастий, которые, казалось, следовали за ней по пятам: зимой – ужасные метели, летом – засуха, болезни, поражавшие посевы, скот, который то и дело терялся. Однажды ночью исчезла даже ее мать...

Разумеется, проще всего было обвинить во всех этих ужасных событиях странного, оставшегося без матери ребенка с жуткими глазами.

Самой предосудительной была, пожалуй, привычка, которая появилась у девочки, едва она пролепетала первые слова. Она без удержу плела небылицы, выдумывала невероятные, диковинные истории. Ее язык будто не отличал правду от лжи. Со временем она научилась извлекать из своих историй выгоду. Но, хотя другие дети были в восторге от ее рассказов – прихотливых и полных очарования, – взрослым это пришлось не по нраву.

Они называли ее нечестивой, презренной лгуньей, а всем известно, что такие люди ничуть не лучше убийц или тех, кто вечно напрашивается на угощение, но никогда не платит за выпивку. Одним словом, ребенок был проклят, и все это знали.

...Но вот теперь боюсь, не ввела ли я вас в заблуждение, едва успев начать свой рассказ.

Оглядываясь назад, могу допустить, что в чем-то мой отец все-таки был виноват. Наверное, ему следовало понимать – нельзя соглашаться, чтобы бог исполнял твоё желание.

Но с другой стороны... а вы бы не согласились?

Первый день Нового Года

Снежная луна

Глава 1

Фрау Зауэр была ведьмой. Самой настоящей – не в том смысле, какой вкладывают в это слово иные вредные людишки, описывая малоприятную и неухоженную женщину (впрочем, фрау Зауэр именно так и выглядела). Нет, Серильда была убеждена: во фрау Зауэр таятся древние силы, и каждое новолуние она наслаждается, общаясь во мраке с духами полей.

Доказательств было маловато. Скорее, догадки. Но кем же еще могла быть старая учительница, с таким скверным характером и желтоватыми, острыми зубками? (Честно – только присмотритесь, и сами увидите, они у нее как иголки, особенно, если свет падает с нужной стороны, или когда она, как обычно, ворчит на своих несчастных воспитанников.) Жители городка, разумеется, обвиняли Серильду в каждой мелкой неудаче, но она-то знала, что ни при чем. Если кого и следовало винить, так только фрау Зауэр.

Наверняка она готовит зелья из ногтей с пальцев ног и держит фамильяра – горного тритона, скользкого и противного. Такой ей как раз подошел бы.

Нет, нет, нет! Вы все неправильно поняли. Серильде очень нравились горные тритоны. Она ни за что не пожелала бы им такого ужаса – оказаться духовно связанным с жуткой старухой.

– Серильда, – заговорила фрау Зауэр, бросив на нее злобный взгляд. Во всяком случае, Серильда предполагала, что злобный взгляд был брошен. Видеть ведьму она в этот момент не могла, потому что скромно потупила глаза и смотрела на грязный школьный пол.

– Ты, – продолжала учительница медленно и язвительно, – не дитя бога Вирдита. Как и любого другого из древних богов, если на то пошло. Твой отец – человек уважаемый, почтенный, но он не спасал никаких мифических существ, раненных во время Дикой Охоты! Истории, которые ты рассказываешь детям... Эти истории... они...

Нелепы?

Абсурдны?

Довольно забавны?

– Вредны! – выпалила фрау Зауэр, забрызгав Серильду слюной. – Чему они учат? Внушают им, что ты не такая как все? А твои басни – дар богов? Наш долг прививать детям добродетели – честность и смирение! Они слушали тебя всего час, а ты умудрилась перечеркнуть все, над чем я трудилась целый год!

Серильда поморщилась. Когда ей показалось, что поток обвинений фрау Зауэр иссяк, она сделала глубокий вдох, готовясь защищаться. В конце концов, это всего лишь история, да и что фрау Зауэр об этом знает? Может быть, отец Серильды и правда спас бога лжи в ту ночь зимнего солнцестояния? Он сам рассказывал ей, когда она была маленькой. И она сверялась с астрономическими картами! В тот год *действительно* была Незакатная Луна, и этой зимой наступит снова.

Но до этого события еще почти год. Целый год, чтобы придумывать восхитительные, фантастические сказки, внушать страх и пугать этих маленьких гусят, которым волей-неволей приходится ходить в эту бездушную школу.

Бедняжки.

– Фрау Зауэр...

– Ни слова!

Серильда закрыла рот.

– Довольно! Я на всю жизнь наслушалась твоей кощунственной болтовни! – прорычала ведьма и злобно запыхтела. – Ах, почему боги не избавят меня от такой ученицы?!

Серильда прочистила горло и попыталась продолжить разговор спокойно и миролюбиво:

– Вообще-то, я уже не ученица. Вы забыли, наверное, что я помогаю здесь, добровольно трачу на это свое время. Так что я скорее помощница, чем ученица. И... вероятно, мое присутствие вам чем-то полезно, вы ведь не говорили мне, чтобы я больше не приходила. Пока не говорили...

Она подняла глаза, заискивающе улыбаясь.

Ведьма ей не нравилась, и она отлично знала, что фрау Зауэр тоже ее недолюбливает. Но навещать школьную детвору, помогать им с уроками, рассказывать истории, которых фрау Зауэр не слышала, – это были те немногие вещи, которые приносили радость. Если бы фрау Зауэр велела ей больше не появляться, Серильду бы это очень расстроило. Только дети – все пятеро – не видели в ней то, что омрачает жизнь их безупречного и уважаемого общества.

Скажем больше, мало кто из горожан вообще осмеливался смотреть на Серильду. Их пугали золотые искры в ее глазах. Иногда ей казалось, что бог не случайно отметил ее: нельзя смотреть людям в глаза, когда врешь. Однако Серильда без труда могла выдержать чей угодно взгляд – и неважно, врала она при этом или нет. А вот другим обитателям городка сложно было отвечать ей тем же.

Всем, кроме детей.

* * *

... Не может она от них уйти. Они нужны ей. И ей нравилось думать, что и она, возможно, тоже им нужна.

А еще, если фрау Зауэр ее выгонит, придется искать работу в городке – а там, насколько Серильда знала, требовались только... *пряжи*.

Гадость.

Но лицо фрау Зауэр оставалось мрачным. Холодным. Едва ли не злобным. Мешочек кожи под ее левым глазом подергивался – верный признак того, что Серильда зашла слишком далеко.

Резко взмахнув рукой, фрау Зауэр схватила лежащий на учительском столе ивовый прут и взмахнула им. Серильда отпрянула – инстинктивное движение, появившиеся за годы, когда она была ученицей. Уже несколько лет ее не хлестали по тыльным сторонам ладоней, но она до сих пор вздрагивала при виде прута. До сих пор помнила слова, которые ее заставляли повторять при каждом ударе.

Ложь – это зло.

Ложь – дело демонов.

Мои истории лживы, следовательно, я лгунья.

Было не так уж больно, хуже другое: если люди не верят, что ты говоришь правду, они перестают тебе верить и в остальном. Они не верят, что ты не воруеть. Не верят, что ты не жульничаешь. Не верят, что ты можешь быть ответственной и заботливой. Тень падает на всю твою репутацию, и это казалось Серильде очень несправедливым.

– Серильда Моллер, не думай, что я не смогу выбить из тебя дурь, раз уж ты выросла, – сказала фрау Зауэр. – Бывших учениц у меня не бывает.

Серильда опустила голову.

– Простите. Это больше не повторится.

Ведьма посмотрела на нее исподлобья.

– К несчастью, мы обе знаем, что это просто еще одна ложь.

Глава 2

Выйдя из школы, Серильда плотнее закуталась в плащ. Еще оставался час дневного света – уйма времени, чтобы добраться до мельницы, – но эта зима выдалась самой холодной на ее памяти. Снега было почти по колено, а санные колеи превратились в опасные, скользкие ледяные дорожки. Башмаки и чулки промокнули задолго до того, как она окажется дома. Серильда заранее ежилась при мысли об этом и мечтала поскорее очутиться у огня, который отец развел в очаге, с миской дымящегося бульона, который она будет пить, грея онемевшие пальцы. Зимние возвращения домой из школы были единственным временем, когда Серильда жалела, что они живут так далеко от города.

Набравшись храбрости, она набросила капюшон на голову и устремилась вперед. Опустив голову пониже, скрестив на груди руки, она старалась шагать быстрее, но при этом не поскользнуться на льду, предательски присыпанном свежевывавшим, легким, как пух, снежком. В морозном воздухе тянуло дымом из труб – в окрестных домах топили печи.

Нового снегопада вечером не предвиделось, небо очистилось от грозных серых туч. Снежная Луна будет видна во всей красе и, хотя это полнолуние не столь значительно, как в сочетании с солнцестоянием, Серильда предвкушала настоящее чудо – полную луну в первую ночь нового года.

Мир полон маленьких чудес, надо только захотеть их найти. А Серильда всегда этого хотела.

– Охота, как и все мы, будет праздновать поворот года, – прошептала она, чтобы отвлечься и не стучать зубами от холода. – Демоны пронесутся над землей, а потом станут пировать, есть дичь, которую добудут, и пить глинтвейн, приправленный кровью...

Что-то сильно ударило Серильду в спину между лопатками. Вскрикнув, она обернулась, поскользнулась и с размаху уселась в сугроб, как на подушку.

– Попала! – раздался восторженный вопль Анны, потом – крики и взрывы смеха.

Дети, хохоча, появились из укрытий – пять фигурок, закутанных в несколько слоев шерсти и меха, выпрыгивали из-за стволов, тележных колес и разросшихся кустов, покрытых сосульками.

– Почему ты так долго? – спросил Фриш. Рукой в варежке он держал наготове снежок, а Анна, чуть в стороне, поспешно лепила следующий. – Мы почти час тебя ждали. Никель уже начал ныть, что обморозится!

– Очень уж тут холодно, – отозвался близнец Фриша Никель, прыгая с ноги на ногу.

– Ой, заткнись. Вон, даже детка не жалуется, а ты скрипишь, как несмазанное колесо.

Пятилетняя Гердрут, самая младшая, повернувшись к Фришу, недовольно нахмурилась.

– Я не детка! – крикнула она и метнула в него снежок. Прицелилась она точно, но снежок не долетел, а с унылым *плюх* шлепнулся у ног мальчика.

– Да я же просто для примера, – заявил Фриш, в его устах это было почти извинение. – Я знаю, что ты вот-вот станешь старшей сестрой, и все такое.

Это мгновенно погасило гнев Гердрут, и девочка, задрав нос, гордо фыркнула. В компании детей ее считали малышкой не только из-за возраста. Уж очень мала она была для своих лет – хорошенькая, как кукла, с россыпью веснушек на круглых щеках и морковно-рыжими кудряшками, которые невозможно пригладить, – хоть и старалась не отставать, подражая Анне во всех ее проделках.

– Главное, мы все продрогли, – сказал Ханс. – Так что нечего изображать подбитого лебедя.

В свои одиннадцать Ханс был в компании старшим. Он любил верховодить, и в школе поддерживал свой статус вожака и защитника, а остальные охотно соглашались.

– Говори за себя, – возразила Анна и, как следует замахнувшись, запустила новым снежком в тележное колесо, валявшееся на обочине. – Я вот не замерзла.

– Только потому, что целый час расстреливала колеса, – пробурчал Никель.

Анна широко улыбнулась, продемонстрировав отсутствие нескольких зубов, и перекувырнулась. Гердрут восторженно пискнула – из всех акробатических трюков она пока освоила только кувырки, – и поспешила следом за подругой.

– И зачем же вы столько времени караулили меня в засаде? – спросил Серильда. – Разве дома вас не ждет натопленный очаг?

Гердрут остановилась, широко расставив ноги, к ее кудряшкам прилип снег.

– Мы ждали, когда ты доскажешь историю до конца! – Она больше всех любила страшные сказки, хотя слушала их, уткнувшись носом Хансу в плечо. – Про Дикую Охоту, бога лжи и...

– Ну уж нет, – решительно покачала головой Серильда. – Нет, нет, нет. Фрау Зауэр меня снова отругала, так что это было в последний раз. Больше никаких сказок. Теперь вы от меня будете слышать только скучные новости и самые обычные, всем известные вещи. Знаете ли вы, например, что, сыграв на цимбалах три определенные ноты, можно призвать демона?

– Ты это выдумала, – недоверчиво протянул Никель.

– Вот и нет. Это правда. Спроси любого. О! Кстати, единственный способ убить упрянахцера – засунуть ему в рот камень. Тогда он не сможет сам себя сожрать, пока ты рубишь ему голову.

– Да, такие полезные сведения могут пригодиться, – сказал Фриш, хитро улыбаясь.

Они с братом были похожи как две капли воды – голубые глаза, пушистые светлые волосы, подбородки с ямочками, – но понять, где кто, было нетрудно. Фриш вечно искал приключений, а Никель, казалось, стыдился, что они родственники.

Серильда серьезно кивнула.

– Моя задача – подготовить вас к взрослой жизни.

– Фу, – сказал Ханс. – Решила поиграть в училку, да?

– Я и есть ваша учительница.

– Никакая ты не учительница. Ты просто помогаешь фрау Зауэр. Да и то, она только потому тебе позволяет, что ты можешь утихомирить малышей, а у нее не получается.

– Это ты про нас? – спросил Никель, указывая на себя и остальных. – Это мы-то малыши?

– Нам почти столько же лет, что и тебе! – добавил Фриш.

Ханс фыркнул.

– Вам по девять лет. Младше на целых два года. Это же целая вечность!

– Не ровно два года, – сказал Никель и начал загибать пальцы. – У нас день рождения в августе, а у тебя...

– Хорошо, хорошо, – прервала Серильда, которая уже много раз слышала эти споры. – Для меня вы все еще маленькие, и мне пора всерьез задуматься о вашем образовании. Хватит забивать себе головы ерундой. Боюсь, время сказок закончилось.

Ее слова были встречены хором умоляющих стонов и нытья. Фриш даже упал лицом в снег и замолотил ногами в истерике – может, подражая Гердрут в ее плохие минуты, а может, и нет.

– На этот раз я говорила серьезно, – сказала Серильда, нахмурившись.

– Ну да, конечно, – и Анна расхохоталась. Она перестала кувыркаться и сейчас проверяла на прочность молодую липу, повиснув на одной из нижних ветвей и болтая ногами. – Все, как в прошлый раз. И в позапрошлый.

– Сейчас я не шучу.

Дети усталились на нее, не зная, верить или нет.

И это справедливо, решила Серильда. Сколько уже раз она говорила им, что больше не станет рассказывать истории? Нет, она твердо решила, что станет образцовой учительницей. Благовоспитанной и безупречной. Вот только решимости никогда надолго не хватало...

Еще одна ложь, – как и сказала фрау Зауэр.

– Но, Серильда, – заговорил Фриш, подползая к ней на коленях и жалобно глядя на нее широко открытыми глазами, – зимой в Мерхенфельде такая скука. Что же мы будем делать без твоих сказок?

– Остается только работа, – пробормотал Ханс. – Корзины плести, да землю пахать.

– И прясть, – добавила Анна с тяжелым вздохом, а потом, закинув ноги наверх и согнув в коленях, обхватила ими ветку, так что руки и косички теперь болтались в воздухе. Дерево угрожающе скрипело, но девочка не обращала на это внимания. – Прясть, прясть, прясть...

Из всех детей, подумала Серильда, Анна больше всех похожа на нее, особенно после того, как стала заплетать длинные темные волосы в две косы. Серильда почти всю жизнь так причесывалась. Однако смуглая кожа Анны была заметно темнее, чем у Серильды, а волосы еще недостаточно отросли. Да еще во рту не хватало молочных зубов... и лишь некоторые из них выпали естественным путем.

А еще они обе терпеть не могли прясть – тяжелый монотонный труд. Анну стали обучать семейному ремеслу с восьми лет. Узнав об этом, Серильда посочувствовала ей, назвав это занятие *tedium incarnate*¹. Странные слова целую неделю не сходили у детей с языка. Это забавляло Серильду и приводило в бешенство ведьму – та потратила целый час, читая нотации о том, как важен честный труд.

– Пожалуйста, Серильда, – подхватила Гердрут. – Твои истории... Мне кажется, они похожи на труд пряжи. Ты тоже делаешь что-то прекрасное из ничего.

– Ах, Гердрут! До чего необычное сравнение! – воскликнула Серильда, пораженная тем, что девочка нашла такую метафору. За это она и любила детей. Они всегда могли чем-нибудь удивить.

– Ты права, Герди, – заметил Ханс. – Истории Серильды превращают нашу тоскливую жизнь во что-то необычное. Как будто... Как будто из соломы прядут золото.

– Твои бы слова да богам в уши, – хмыкнула Серильда, подняв глаза к небу, которое быстро темнело. – О, если бы я умела прясть золото из соломы! Пользы было бы куда больше, чем если... прясть глупые истории. Засорять вам головы, как говорит фрау Зауэр.

– Проклятая фрау Зауэр! – выпалил Фриш. Услышав грубость, брат бросил на него предостерегающий взгляд.

– Фриш, следи за языком, – сказала Серильда, чувствуя, что обязана сделать замечание, хотя и была благодарна, что мальчик встал на ее защиту.

– Нет, ну правда. В сказках нет ничего плохого. А она просто завидует, потому что все ее истории – про королей, которые давным-давно умерли, да про их противных потомков. Она знать не знает, что такое хорошая сказка – и не узнает, даже если та выскочит и укусит ее.

Дети хохотали, пока ветка, на которой висела Анна, не хрустнула, и девочка не свалилась в сугроб.

Ахнув, Серильда бросилась к ней.

– Анна!

– Пока жива! – ответила Анна. Это была ее любимая фраза, и произносить ее приходилось часто. Выпутавшись из ветвей, Анна села в снегу и улыбнулась.

– Спасибо Сольвильде, что насыпала столько снега с небес – мне было мягко падать.

Смеясь, она помотала головой, на плечи ей посыпались хлопья снега. Отряхнувшись, она лукаво посмотрела на Серильду:

¹ *Tedium incarnate* (лат.) – здесь: скука смертная. *Здесь и далее прим. переводчика.*

– Ты ведь расскажешь нам конец истории, правда?

Серильда хотела нахмуриться, но вышло неубедительно – у нее не очень хорошо получалось оставаться взрослой и солидной с детьми.

– Вот упрямыцы. И, вынуждена признать, уговаривать умеете, – она тяжело вздохнула. – Ладно, ладно уж. Коротенькую историю – потому что, сами знаете, сегодня вечером начнется Охота, и мы с вами должны успеть разойтись по домам. Идите-ка за мной.

Она решительно направилась по снегу к небольшой рощице, где землю устилали сухие сосновые иголки, а свисающие ветви хоть немного защищали от холода. Сгоравшие от нетерпения дети расселись вокруг, выбирая места среди корней и прижимаясь друг к другу, чтобы согреться.

– Расскажи нам еще о боге лжи! – попросила Гердрут, подсев к Хансу – вдруг станет страшно.

Серильда покачала головой.

– У меня есть другая история, ее я вам сейчас и расскажу. Она из тех, в которых говорится о полнолунии. – Она указала на горизонт, на только что взошедшую луну, светлую, как летняя солома. – Эта история тоже о Дикой Охоте, которая на черных как ночь скакунах, в сопровождении адских гончих проносится по нашим полям в полнолуния. Сейчас предводителем Охоты стал жестокий Эрлкинг, Ольховый Король. Но когда-то, сотни лет назад Охоту вела за собой его возлюбленная, великая охотница Перхта.

Ее слушали очень внимательно. Дети с сияющими глазами, приоткрыв рты, наклонялись все ближе. Серильда раздумялась от волнения, несмотря на холод. Она дрожала от предвкушения, потому что, пока слова не срывались с языка, она и сама не всегда знала, какие повороты примет рассказ. Часто она удивлялась не меньше, чем ее слушатели. Отчасти именно поэтому ее так и тянуло рассказывать истории. Она не знала, что будет в конце, не знала, что случится дальше. Для нее самой это было таким же приключением, как и для детей.

– Эрлкинг и Перхта безумно любили друг друга, – продолжала она. – Их страсть могла вызвать молнию, которая обрушивалась с небес. Когда Эрлкинг смотрел на свою свирепую подругу, его черное сердце волновалось – да так, что в океанах начинался шторм, а в горах сходили лавины.

Дети дружно поморщились. Они терпеть не могли упоминаний о романтике и любви – даже застенчивый Никель и мечтательная Гердрут (хотя, подозревала Серильда, втайне им это нравилось).

– Однако у них была одна проблема. Перхта отчаянно мечтала о ребенке, но у Темных в крови больше смерти, чем жизни, поэтому детей у них не бывает. Так что ее желание было несбыточным... По крайней мере, так думала Перхта, – глаза Серильды загорелись, сюжет истории начал разворачиваться перед ней.

– У Эрлкинга гнилое сердце, но даже оно разрывалось, ведь его любимая чахла от того, что у нее не было ребенка. Она так плакала, что ее слезы орошали поля, подобно потокам дождя. Так стонала, что ее крики разносились над холмами подобно раскатам грома. Не в силах видеть ее страдания, Ольховый Король отправился на край света к Эостригу, богу плодородия. Он умолял поместить дитя в утробу Перхты. Но Эостриг, владыка любой новой жизни, увидел, что в Перхте жестокости больше, чем материнской любви, и боги не решились доверить ей ребенка. Никакие мольбы Эрлкинга не смогли их поколебать.

Ольховый Король скакал к себе через пустоши, боясь представить, как огорчится любимая.

Но вот, случилось ему ехать через Ясневый лес... – Серильда остановилась и заглянула в глаза каждому из детей, потому что эти слова должны были вызвать у них особый трепет. Ясневый лес был местом действия многих историй, не только тех, что рассказывала она. Он был источником такого множества народных сказок, ужасов и суеверий, что и не счесть – осо-

бенно здесь, в Мерхенфельде. Ясеновый лес лежал к северу от их небольшого городка, всего в нескольких минутах, если ехать через поля, и его зловещее присутствие местные жители ощущали с раннего детства. Кого из здешних малышей не пугали существами, живущими в том лесу, – дурашливыми и озорными, а иногда подлыми и жестокими?

Дети слушали как завороженные. История Серильды была теперь не просто еще одной сказкой о Перхта и Ольховом Короле. Она подошла к самому порогу их дома.

– Эрлкинг ехал через Ясеновый лес, как вдруг услышал очень неприятные звуки. Всхлипывание. Рев. Мокрые, хлюпающие, мерзкие звуки, которые чаще всегда бывают связаны с мокрыми, хлюпающими, мерзкими... *детьми*. И тут он увидел малявку – жалкое крошечное существо, которое едва держалось на коротеньких ножках. Это был ребенок, мальчик. С головы до ног в грязи, весь испарипанный, он жалобно пищал и звал мать. Тогда-то Эрлкингу и пришла в голову коварная мысль.

Серильда улыбнулась, и дети заулыбались в ответ, они начали догадываться, к чему идет дело. Или так им казалось.

– Итак, Ольховый Король поднял мальчика за грязную рубашонку и сунул в один из больших седельных мешков. И поскакал в замок Грейвенстоун, где ждала Перхта.

Он показал любимой мальчонку, и от ее радости даже солнце засияло ярче. Шли месяцы, Перхта нянчилась с малышом и обожала его, как только может обожать королева. Она брала его на прогулки к мертвым болотам, что лежат в самой чаще. Купала в серных источниках, шила одежду из лучших шкур, добытых ею на охоте – из меха рогатого зайца – кроления и оперения щетинистого петушка. Она укачивала его на ветвях ивы, баюкала и пела колыбельные. Мальчик даже получил собственную адскую гончую, чтобы ездить на ней – так он мог участвовать в ежемесячных охотах приемной матери. Перхта была очень довольна.

Но через несколько лет Эрлкинг стал замечать, что возлюбленная снова загрустила. Однажды ночью он спросил, что ее печалит, и Перхта с горестным плачем указала на своего малютку-сына – который был уже не малюткой, а поджарым, крепким и сильным мальчишкой – и промолвила: «Больше всего на свете я хотела младенца, своего малыша. Но увы – создание, что сейчас передо мной, больше не малыш. Это мальчик, и скоро он станет мужчиной. Мне он больше не нужен».

Никель ахнул от ужаса при мысли, что мать, которая явно любила своего ребенка, могла такое сказать. Он был чувствительным мальчиком и, возможно, слышал от Серильды не так уж много старых сказок, в которых родители, и родные, и приемные, не чаяли, как избавиться от потомства.

– И вот, Ольховый Король заманил мальчика обратно в лес, сказав, что хочет поупражняться в стрельбе из лука и принести домой дичи для пиршества. Но, когда они углубились в чащу, Эрлкинг вынул из-за пояса длинный охотничий нож, подкрался к мальчику сзади...

Дети в ужасе отпрянули. Гердрут уткнулась лицом Хансу в подмышку.

– ...перерезал ему горло и оставил его умирать в холодном ручье...

Серильда подождала, пока утихнут шок и недовольство, и только тогда продолжила.

– Затем Эрлкинг отправился на поиски новой добычи. На этот раз ему нужен был не дикий зверь, а еще одно человеческое дитя, чтобы отдать любимой. И с тех пор Эрлкинг забирает заблудившихся детей и уносит в свой замок.

Глава 3

Серильда едва не превратилась в сосульку, когда наконец увидела за полем золотой отблеск на снегу – свет в окошке ее дома. Полная луна ярко светила в ночи. Серильда различила вдалеке домик, притулившуюся к нему мельницу и мельничное колесо на реке Сорге. Почувствовав уютный запах дыма, она с новыми силами поспешила через поле.

Безопасность. Тепло. Дом.

Серильда распахнула дверь и, с облегчением вздохнув, вошла. Опираясь о дверной косяк, сбросила с ног промокшие башмаки и, сняв чулки, швырнула их через всю комнату, так что они упали у самого очага.

– Как же... я... з-закоченела.

Отец, штопавший у камина носки, так и подскочил:

– Где ты пропадала? Уже больше часа, как солнце зашло!

– Из-з-звини, папочка, – пробормотала она, повесила плащ на крючок у двери, сняла шарф и села рядом с ним.

– А варежки где? Только не говори, что снова потеряла.

– Не потеряла, – выдохнула она, придвигая второй стул поближе к огню.

Положив ногу на ногу, Серильда принялась растирать пальцы и вскоре снова стала их чувствовать.

– Засиделась допоздна с детьми. Не хотела отпускать их одних по темноте, поэтому проводила каждого до дома. А близнецы живут на другом берегу реки, вот и пришлось тащиться обратно, а потом... Ох, как же хорошо дома!

Отец нахмурился. Он был еще не старым, но от вечного беспокойства на его лице давно появились морщины. Возможно, дело было в том, что он растил ребенка один... Или в сплетнях и слухах, ходивших в городке, а может, мельник просто был из тех, кто тревожится по любому поводу. В детстве Серильда забавлялась, рассказывая отцу истории о своих опасных проделках. Он приходил в ужас, а она – в восторг, и только потом, смеясь, признавалась, что все выдумала.

Теперь-то она понимала, что не очень хорошо поступала с тем, кого любила больше всех на свете.

– А варежки? – повторил отец.

– Обменяла на семена волшебного одуванчика, – сказала она.

Отец укоризненно посмотрел на нее. Серильда смущенно улыбнулась:

– Варежки я отдала Гердрут. Дашь воды? Ужасно пить хочется.

Отец покачал головой, и что-то ворча, подошел к ведру, в которое набирали снег и оставляли таять у печи. Взяв с каминной полки ковшик, он зачерпнул воды и протянул дочке. Вода была ледяной, и Серильда почувствовала во рту привкус зимы.

Вернувшись к камину, отец помешал в котелке, висевшем над огнем.

– Не люблю, когда ты в полнолуние гуляешь одна. Знаешь ведь, что бывает. Дети пропадают.

Серильда не смогла удержаться от улыбки. Долгие годы она слышала эти слова, они-то и вдохновили ее на сегодняшнюю сказку.

– Я уже не ребенок.

– Не только дети исчезают. Даже взрослых мужчин находили – они были не в себе и бормотали что-то про гоблинов и русалок. Как ты можешь думать, будто в такие ночи снаружи безопасно? Я-то надеялся, что воспитал тебя разумной.

Серильда улыбнулась ему. Они оба знали, что это было за воспитание – непрерывный поток предостережений и суеверий, которые скорее разжигали фантазию, чем учили осторожности.

– Со мной все в порядке. Никто меня не похитил, никакой упырь не утащил. Да и кому я нужна-то, честно говоря?

Отец мрачно уставился на нее:

– Любой упырь был бы счастлив заполучить тебя.

Серильда прижала к щекам отца ледяные пальцы. Он вздрогнул, но не отстранился и позволил дочери наклонить его голову и поцеловать в лоб.

– Если кто-нибудь из них заглянет на огонек, – сказала она, отпуская его, – я передам им твои слова.

– Все бы тебе шутить, а это ведь не шутки. В следующий раз, если поймешь, что можешь задержаться в полнолуние, возьми лошадь.

Серильда не стала напоминать отцу, что их старый Зелиг давно уже может считаться *недвижимостью*, а не лошадью. Вряд ли ему удастся обогнать Дикую Охоту.

Она просто сказала:

– С удовольствием, если тебе так будет спокойнее. А теперь давай ужинать. Пахнет так, что слюнки текут.

Он взял с полки две деревянные миски.

– А вот это правильно, умница ты моя. Лучше лечь пораньше и заснуть задолго до полуночи.

* * *

Наступила полночь, Дикая Охота мчалась по полям...

Когда Серильда среди ночи открыла глаза, в ее ушах звучали эти слова. Огонь в очаге догорел, но угли еще тлели и едва заметно светились. Кровать Серильды, сколько та себя помнила, стояла в первой комнате, в углу. Отец спал в задней части дома, у его комнаты и мельницы была общая стена. Серильда слышала громкий храп отца, и сначала подумала, что он-то ее и разбудил.

В очаге разломилось и рухнуло полено, подняв фонтан искр. Затем раздался звук – очень далекий. Серильда могла бы подумать, что ей почудилось, если бы не почувствовала, как по спине будто провели ледяным пальцем.

Вой.

Похож на волчий, а волки тут не редкость. Соседи много сил клали на то, чтобы защитить свой скот от рыщущих поблизости хищников.

Но в этом вое слышалось что-то другое.

Что-то жуткое.

Что-то дикое.

– Адские гончие, – шепнула Серильда сама себе. – Охота.

Она долго сидела, напряженно вслушиваясь и вглядываясь в темноту, и пыталась понять, приближаются звуки или удаляются... Но слышала только потрескивание огня и громкий храп из соседней комнаты.

Серильда уже решила, что все это ей приснилось. Мысли, как всегда, блуждали где-то далеко... Она снова улеглась и натянула одеяло до подбородка, но глаза не закрыла. Она смотрела на дверь – сквозь щели пробивался лунный свет.

Снова вой, и почти сразу еще... Она опять села на постели. Сердце в груди колотилось как бешеное. Звук был громкий, намного громче, чем в первый раз. Дикая Охота приближалась.

Серильда заставила себя снова лечь и крепко зажмурилась. Она знала, что теперь не уснет, но нужно притвориться. Слишком много она знала историй о местных жителях, которых Охота соблазнила, выманила из постели... А наутро их находили на опушке леса продрогшими, в одних ночных рубашках. Другие, не такие везучие, пропадали навсегда. Удача была не слишком благосклонна к Серильде, значит, рисковать не стоит.

Она поклялась себе, что останется на месте, будет лежать неподвижно и почти не дышать, пока кавалькада призраков не унесется прочь. Пусть ищут другого бедолагу, какого-нибудь крестьянина. А ее тяга к приключениям не так велика.

Серильда свернулась калачиком, вцепилась в одеяло и стала дожидаться конца ночи. Какую замечательную историю она расскажет детям! Конечно, *Дикая Охота* – самая настоящая, я ее слышала собственными...

– Нет, Таволга! Сюда! – пронзительный девичий голосок дрожал.

Глаза Серильды распахнулись сами собой. Слова прозвучали так отчетливо... Голос раздавался за окном, у которого стояла ее кровать. В начале зимы отец заколотил окно досками, чтобы не выпускать из дома тепло.

Голос раздался снова, и звучал еще более испуганно:

– Скорее! Они близко!

О стену что-то ударило.

– Я пытаюсь, – заскулил другой женский голос. – Тут закрыто!

Они были так близко, что, казалось, если бы можно было протянуть руку сквозь стену, Серильда коснулась бы их.

Было ясно, что незнакомки – кем бы они ни были – пытались забраться в погреб. Пытались спрятаться.

За ними охотились.

Серильда не успела подумать или усомниться, не уловка ли это коварных Охотников, чтобы выманить добычу. *Выманить ее* из безопасной уютной постели. Откинув одеяло, она вскочила и бросилась к двери. В мгновение ока набросила плащ поверх ночной рубашки, сунула ноги в еще сырые башмаки. Схватила с полки фонарь и, немного повозившись, зажгла фитиль.

Как только она распахнула дверь, на нее обрушились порыв ветра, едва не сбивший ее с ног, заряд снега и чей-то удивленный вскрик. Рядом с дверью в погреб к стене дома жались две фигурки, обхватив друг друга длинными руками. Их огромные глаза, моргая, смотрели на нее.

Серильда была ошеломлена не меньше, чем они. Она сразу поняла, что здесь кто-то есть, но не ожидала, что это будет не кто-то, а... *что-то*.

Эти существа не были людьми. Во всяком случае, не вполне людьми. Глазищи как бездонные черные омуты, лица нежные и бледные, как бересклетов цвет, а уши длинные, заостренные и немного пушистые, как у лисы. Ноги и руки – как длинные и гибкие ветви, их кожа в свете фонаря казалась золотистой и смуглой. Стояла середина зимы, но одежда – меховые лоскутки – мало что прикрывала. Чуть больше, чем требует чувство стыдливости. Волосы коротко острижены и растрепаны, а приглядевшись, Серильда с пьянящим благоговейным трепетом поняла, что это и не волосы вовсе, а пучки лишайника и мха.

– Моховицы... – выдохнула она. Сколько ни сочиняла Серильда историй о темных существах, о духах природы, о призраках и упырях, сама она встречала лишь обыкновенных, скучных людей.

Одна из моховиц вскочила на ноги, пытаясь заслонить другую.

– Мы не воры, – пронзительно сказала она. – И ничего не просим, кроме убежища.

Серильда вздрогнула. Она знала, что люди питают к лесному народцу глубокое недоверие. Этих существ считали странными: изредка признавали полезными, но куда чаще – ворами и убийцами. Жена пекаря по сей день уверяла, что ее старший ребенок – подменыш. (Под-

меньш или нет, но этот ребенок давно вырос, счастливо женился и сам стал отцом четверых отпрысков.)

Над полями снова пронесся вой, теперь казалось, что он звучит со всех сторон. Серильда вздрогнула и огляделась, но, хотя поля за мельницей были ярко освещены полной луной, никаких признаков Охоты она не увидела.

– Сныть, нужно уходить, – сказала та, что поменьше ростом, вскочила на ноги и схватила другую за руку. – Они близко.

Та, что звали Сныть, яростно закивала, не сводя с Серильды глаз.

– Тогда в реку. Скрыть свой запах – наша единственная надежда.

Взявшись за руки, они собрались уходить.

– Погодите! – воскликнула Серильда. – Погодите.

Поставив фонарь у двери в погреб, она нагнулась и сунула руку под доску, за которой отец хранил ключ. Руки онемели от холода, но на то, чтобы отпереть замок и распахнуть широкую дверь в погреб, потребовался всего миг. Моховицы настороженно смотрели на нее.

– Река сейчас течет медленно и уже наполовину покрыта льдом. Она вас не защитит. Забирайтесь в подпол, да передайте мне снизу луковку. Натру луком дверь – надеюсь, он отобьет ваш запах.

Существа молча смотрели на нее. Серильда была готова к тому, что они посмеются над ее нелепыми попытками помочь им. Они – лесной народ. Что им жалкие человеческие потуги?

Но Сныть молча кивнула. Моховица, что была поменьше ростом (Таволга, если Серильда верно расслышала), спустилась в темный погреб и протянула оттуда луковицу. Не было произнесено ни слова благодарности – вообще ни единого слова.

Как только обе оказались внутри, Серильда захлопнула дверь и снова повесила замок. Очистила луковицу от шелухи, натерла ею края люка. Глаза защипало. А Серильда старалась перестать тревожиться из-за всяких мелочей – например, из-за того, что на двери погреба лежал снег, а теперь его нет, и из-за того, что следы моховиц приведут адских гончих прямо к ее дому...

Следы... Отпечатки ног...

Обернувшись, она посмотрела на поле, боясь увидеть на снегу две дорожки следов, ведущие к ее дому. Но ничего не увидела. Все казалось нереальным, и, если бы глаза не слезились от едкого лука, Серильда решила бы, что все это ей снится. Размахнувшись, она швырнула луковицу как можно дальше, и та со всплеском упала в реку.

В следующее мгновение Серильда услышала рычание.

Глава 4

Они бросились на нее, как сама смерть – налетели с рычанием и лаем.

Они были вдвое больше любой охотничьей собаки, какую Серильда могла себе представить. Концы острых ушей доставали ей до плеч. Но тела были тощими, поджарыми, а выпирающие ребра, казалось, вот-вот должны были прорвать стоящую дыбом шерсть. С вываленных языков и торчащих клыков тянулись нити густой слюны. Страшнее всего был ослепительный свет – он пробивался из их пастей, ноздрей и глаз. Светилась даже покрытая коростой шкура в тех местах, где она особенно туго обтягивала кости. Как будто в них текла не кровь, а огонь Ферлорена.

Серильда даже вскрикнуть не успела, когда одна из этих зверюг бросилась на нее, клацнув зубами перед самым лицом. Огромные лапы ударили ее по плечам. Она упала в снег, закрыв лицо руками. Пес, широко расставив лапы, навис над ней, воняя серой и гнилью.

К ее удивлению, тварь не впиалась в нее зубами, а замерла в ожидании. Дрожа, Серильда осмелилась посмотреть в щель между пальцами. Пес, сверкнув глазами, потянул воздух носом, в кожаных ноздрях полыхнул свет. Что-то мокрое капнуло Серильде на лицо. Ахнув, она попыталась вытереться и, не удержавшись, всхлипнула.

– Оставь ее, – скомандовал голос, тихий, но властный.

Пес отскочил, оставив на снегу дрожащую, задыхающуюся Серильду. Она вскочила и метнулась назад к дому. Схватив стоявшую у стены лопату, стремительно, с отчаянно бьющимся сердцем, повернулась, готовая дать отпор. Но адских гончих рядом не оказалось.

На том самом месте, где она только что лежала, неподвижно стоял конь. Серильда растерянно смотрела на него. Это был вороной жеребец, под его лоснящейся шкурой бугрились мышцы, из ноздрей вырывались струи пара.

Всадник, залитый лунным светом, был красив и в то же время ужасен. Бледная с серебристым отливом кожа, глаза цвета тонкого льда над глубоким озером и длинные черные волосы, свободно падавшие на плечи. На нем были великолепные кожаные доспехи, два пояса с несколькими кинжалами, ножами и изогнутым рогом. За плечом – колчан со стрелами. Он был похож на короля – властный, подчинивший себе чудовище, на котором сидел верхом. Уверенный, что любой с трепетом и почтением склонится перед ним.

Он был опасен.

Он был великолепен.

Он был не один.

Поодаль стояли еще дюжины две скакунов – вороные, черные как смоль, но с белоснежными гривами и хвостами. На спине у каждого сидел всадник – мужчины и женщины, молодые и старые, одни в прекрасных одеждах, другие – в лохмотьях. Некоторые из них были призраками. Это Серильда поняла сразу – их нечеткие силуэты расплывались на фоне ночного неба.

Остальные были *Темными*. Глядя на их неземную красоту, ошибиться было невозможно – это были бессмертные демоны, давным-давно сбежавшие из Ферлорена, от их хозяина, бога смерти. И все они смотрели на нее. Гончие тоже. Повинуясь приказу хозяина, они отошли и с голодным видом бродили поодаль.

Серильда снова посмотрела на всадника, возглавлявшего Охоту. Она знала, кто перед ней, но даже в мыслях не осмеливалась поминать его имя, опасаясь, что может оказаться права.

Он пристально смотрел на нее, сквозь нее взглядом, каким смотрят на блохастую шавку, посмевающую украсть чужой ужин.

– В какую сторону они пошли?

Серильда вздрогнула. *Этот голос...* Полный спокойствия, пронизывающий. Если бы всадник не ограничился простым вопросом, а снизошел до того, чтобы, например, почитать ей стихи, она уже была бы околдована.

Однако она обнаружила, что может стряхнуть с себя очарование. Ей помогла мысль о моховицах, сидевших в подполе в нескольких футах от нее, и об отце, который, как она надеялась, крепко спал в доме. Она осталась одна и, будто в капкан попала, привлекла внимание этого странного создания, скорее демона, чем человека.

Аккуратно поставив лопату на место, Серильда спросила:

– В какую сторону *кто* пошел, сударь?

Потому что, конечно же, он был из знатных, занимал высокое положение. *Король*, подсказал ей разум, и Серильда умолкла. Это просто... не укладывалось в голове.

Его светлые глаза сузились. Вопрос надолго повис между ними в ледяном воздухе, и Серильда начала дрожать от холода. Под плащом на ней была только ночная рубашка, пальцы на ногах быстро немели.

Эрл... – нет, охотник, так она будет его называть. Охотник не ответил. Серильда была разочарована, ведь если бы он сказал: «моховицы», она могла бы задать ему новые вопросы. Зачем он охотится на лесной народец? Что ему от них нужно? Это ведь не звери, которых можно убить и обезглавить, а шкурами украсить замок. Она очень надеялась, что это в его намерения не входит. При одной мысли о чем-то подобном сводило живот.

Но охотник ничего не говорил, только смотрел ей в глаза, а конь его замер в полной, неестественной неподвижности.

Не в силах больше выдерживать молчание – вообще никакое, но особенно молчание в окружении призраков и духов, Серильда испуганно вскрикнула.

– О, простите меня! Я мешаю вам проехать? Простите... – она отступила назад и присела в реверансе, взмахнув рукой. – Не обращайтесь на меня внимания. Мне просто нужно кое-что собрать тут в полночь, но я подожду, пока вы проедете.

Охотник не двинулся с места. Еще несколько коней, встав полукругом, постукивали копытами по снегу и нетерпеливо фыркали.

После мучительно долгой паузы охотник заговорил:

– Не хочешь ли к нам присоединиться?

Серильда вздрогнула. Трудно было понять, что это – приглашение или угроза, но сама мысль о том, чтобы присоединиться к этой кошмарной компании и участвовать в продолжении Охоты вызвала ужас. Отвечая, она старалась не заикаться:

– Я бесполезна для вас, сударь. Никогда не училась охоте и ничего не умею, даже в седле не могу как следует держаться. Лучше уж вы поезжайте, а я останусь и займусь своими делами, соберу кое-что.

Охотник склонил голову, и в его холодном взгляде Серильда впервые заметила что-то новое. Нечто вроде любопытства. К ее большому удивлению, он перекинул ногу через седло и – Серильда ахнуть не успела – соскочил на землю прямо перед ней.

По сравнению с большинством девушек в деревне Серильда была высокой, но Эрлки... охотник оказался выше на целую голову. Необычной была вся его фигура – длинная и тонкая, как водяной тростник. Хотя, пожалуй, уместнее было бы уподобить его мечу. Серильда тяжело сглотнула, когда он шагнул к ней.

– Расскажи-ка мне, – сказал он негромко, – чем это ты занята в такой час, в такую ночь?

Одно жуткое мгновение Серильда не могла произнести ни слова. Язык не слушался ее, в голове было пусто. Слова не шли на ум. Там, где обычно роились выдумки, сказки и истории, не было ничего. Такого с ней еще не случалось.

Все равно, что прясть золото из соломы.

Охотник насмешливо склонил голову. Понял, что поймал ее. Теперь он снова спросит, где моховицы. И что она ему скажет, кроме правды? Что еще она может ответить?

Думай. Думай...

– Ты, помнится, сказала, что хочешь... что-то собрать? – подсказал он тоном, в котором легко было услышать искреннее расположение и любопытство. Но это была хитрость, ловушка.

Серильде удалось оторвать от него взгляд и посмотреть на поле, где вечером она протоптала дорожку в снегу, когда мчалась домой. Из слякоти торчало несколько сломанных и пожелтевших стебельков ржи.

– Солому! – ответила она, почти закричала, так что охотник слегка отпрянул. – Солому я собираю, сударь! Что же еще?

Брови охотника сдвинулись к переносице.

– В новогоднюю ночь? Под Снежной луной?

– А что же... Конечно. Лучшее время для этого. Я имею в виду... не обязательно, чтобы это был новый год, но... в полнолуние. Иначе солома не годится! Из нее тогда не спрясть... – она запнулась, а потом продолжила: – не спрясть... золото.

Сказав эту нелепицу, она еще и дерзко улыбнулась. Но охотник в ответ не улыбнулся. Он испытующе смотрел на нее, подозрительно, но... с интересом.

Чтобы хоть как-то укрыться от его пронизательного взгляда, да и от холода, Серильда обхватила себя руками. Ее начала бить дрожь, зубы стучали. Наконец, охотник снова заговорил, но сказал совсем не то, чего она ожидала или на что надеялась:

– На тебе печать Хульды.

У нее екнуло сердце.

– Хульды?

– Бога труда.

Серильда уставилась на него. Разумеется, она знала, кто такой Хульда. В конце концов, богов всего семь – не так уж сложно запомнить. Хульда был богом, отвечавшим в основном за славный честный труд, как сказала бы фрау Зауэр. От крестьянских работ до плотницкого дела – и уж пряхам-то он, наверняка, покровительствовал.

Она надеялась, что ночной мрак скроет ее странные глаза с золотыми колесами в них, но у охотника зрение было острое, как у совы.

Вот только он решил, что видит колесо прялки. Серильда хотела сказать правду – что отмечена вовсе не богом труда, а богом лжи. И знак, который он видит, символизирует колесо судьбы и везения – или невезения, что с ней случалось гораздо чаще. И ошибиться было очень легко...

Но она вовремя сообразила, что такая деталь придаст правдоподобия ее вранью, поэтому просто пожала плечами, немного смущаясь от предположения, будто она владеет какой-то магией.

– Да, – отозвалась она внезапно севшим голосом. – Хульда благословил меня еще до моего рождения.

– С какой целью?

– Матушка моя была талантливой белошвейкой, – снова солгала Серильда. – Она сшила и подарила Хульде прекрасный плащ, который так ему понравился, что он пообещал наделить ее первенца чудеснейшей способностью.

– Прясть золото из соломы, – протянул охотник голосом, полным недоверия.

Серильда кивнула.

– Я мало кому об этом рассказываю, чтобы не пробуждать в девушках зависть, а в мужчинах жадность. Надеюсь, сударь, вы сохраните мою тайну?

Охотник удивился, затем шагнул ближе, и воздух вокруг Серильды стал неподвижным и очень, очень холодным. Она почувствовала прикосновение настоящей стужи и лишь тогда сообразила, что при дыхании из его рта не вырываются облачка пара.

К ее шее под подбородком прижалось что-то острое. Серильда судорожно вздохнула. Конечно, она должна была заметить, как он достает оружие, но не заметила и не почувствовала, чтобы он вообще двигался. А теперь он стоял, приставив к ее горлу охотничий нож.

– Спрошу еще раз, – сказал он почти нежно, – где лесные твари?

Глава 5

Серильда, хоть и выдержала ледяной взгляд охотника, чувствовала себя уязвимой и беззащитной. Но ее язык, дурацкий лживый язык, продолжал болтать.

– Сударь, – сказала она с легким сочувствием, словно ей неловко было объяснять очевидные вещи такому опытному охотнику, – лесные твари водятся в Ясеновом лесу, к западу от Большого Дуба. И еще... немного севернее, кажется. Так люди говорят.

Впервые на лице охотника промелькнуло нечто, похожее на вспышку гнева. Гнева и неуверенности. Он не мог понять, разыгрывает она его или говорит правду.

Серильда подняла руку и осторожно коснулась пальцами его запястья. Охотник вздрогнул от неожиданности. Она же вздрогнула от того, какой его кожа оказалась на ощупь. Ее пальцы давно окоченели, но все-таки в них текла теплая кровь. А вот кожа охотника была будто покрыта инеем.

Он молча убрал нож от ее шеи.

– Не хочу показаться непочтительной, – продолжила Серильда, – но мне и правда пора заняться делом. Луна скоро зайдет, и солома уже не будет такой податливой. А я люблю работать с самым лучшим материалом.

Не дожидаясь ответа, Серильда вытряхнула снег из ведра, снова подхватила лопату. С высоко поднятой головой она прошла мимо охотника и его коня, и направилась в поле. Другие охотники расступились, пропуская ее, и Серильда принялась разгребать снег, из-под которого показалась стерня – унылые стебли, оставшиеся после осенней жатвы.

Ничего похожего на золото.

В какую нелепую ложь это превращалось...

Но Серильда знала: хочешь убедить кого-то в том, что говоришь правду, – твердо верь в это сама. И она принялась невозмутимо выдергивать замерзшие стебли и складывать в ведро. Некоторое время слышались только шелест сухих стеблей, да время от времени стук лошадиных копыт и низкое рычание гончих.

Затем раздался высокий скрипучий голос:

– Я слышала о пряхах, получивших благословение Хульды.

Серильда посмотрела на всадницу, которая оказалась к ней ближе всего – бледную, немного расплывающуюся по краям, с косой, венцом уложенной на голове. На ней были короткие штаны и кожаные доспехи, спереди на куртке расплылось зловещее темно-красное пятно. Крови было очень много – и натекла она из глубокой раны на шее призрачной женщины.

На миг всадница задержала на Серильде бесстрастный, равнодушный взгляд и обратилась к своему повелителю:

– Верю, что она говорит правду.

Охотник не обратил внимания на ее слова. Серильда услышала, как снег слегка скрипнул под его сапогами – и вот он уже оказался рядом с ней. Она опустила глаза, полностью сосредоточившись на том, чем была занята. Стебли соломы резали ладони, под ногти уже набилась грязь. Почему только она не прихватила варежки? И тут же вспомнила, что отдала их Гердрут. Ну и вид у нее сейчас, наверное...

Собрать солому, чтобы превратить ее в золото. В самом деле, Серильда. Из всех глупостей и нелепостей, которые ты могла ляпнуть...

– Приятно узнать, что благословение Хульды не пропало даром, – певуче произнес охотник. – Этот дар и вправду редкое сокровище.

Серильда обернулась, но охотник уже отошел. Гибкий, как пятнистая рысь, он вскочил в седло. Конь фыркнул. Не глядя на Серильду, охотник подал знак спутникам. Они исчезли так же, как появились – грохот копыт, шквал снега и льда, завывание адских гончих. Грозовая

туча, зловещая и потрескивающая, промчалась по полю. И никого – только сверкающий снег и полная луна, целующая горизонт.

Серильда тяжело вздохнула, не веря, что удача ей не изменила. Она пережила встречу с Дикой Охотой. Врала в лицо самому Эрлкингу! Никто мне не поверит, подумала она. Вот где настоящая трагедия!

Она подождала, когда вернутся обычные ночные звуки – скрип застывших веток, успокаивающее журчание реки, далекое уханье совы. Наконец, взяв фонарь, она решилась открыть дверь подпола. Моховицы появились в проеме, таращась на Серильду так, будто она стала синего цвета. Впрочем, стоял такой холод, что, может, она и правда посинела.

Серильда попыталась улыбнуться, но это трудно, если зубы стучат.

– С вами теперь все будет в порядке? Сможете вернуться в лес, отыщете путь?

Высокая моховица Снить обиженно усмехнулась.

– Это вы, люди, вечно теряетесь, а не мы.

– Я не хотела вас обидеть, – Серильда окинула глазами их легкую одежду из клочков меха. – Ох, и замерзли же вы, поди.

Снить не ответила, она испытующе смотрела на Серильду – с любопытством и раздражением.

– Ты спасла нам жизнь, рискуя своей. Зачем?

Сердце Серильды радостно дрогнуло. Ее поступок выглядел героическим! Но героям полагается быть скромными, поэтому она просто пожала плечами.

– Мне показалось, что это неправильно – преследовать вас, словно вы дикие звери. А кстати, чего охотники от вас хотели?

Ответила ей Таволга, преодолевая застенчивость:

– Эрлкинг испокон веку охотится на лесной народ, и на всю нашу волшебную родню.

– Он считает это забавой, – продолжила Снить. – Видно, если столько времени охотиться, голова обычного оленя уже не кажется достойным трофеем.

Серильда потрясенно уставилась на них.

– Он собирался вас *убить*?

Обе моховицы посмотрели на нее, как на дурочку. Но Серильда-то думала, что Охота гонится за ними, просто чтобы поймать. Возможно, в чем-то это было бы даже хуже. Но убивать таких нежных, изящных созданий ради забавы? Она почувствовала отвращение.

– Мы можем защититься от Охоты, скрыться от их собак, – объяснила Снить. – Им ни за что не найти нас, пока мы под защитой Лесной Бабушки. Но мы с сестрой не успели вернуться до наступления темноты.

– Рада, что сумела помочь, – улыбнулась Серильда. – Можете прятаться в моем подполе, когда пожелаете.

– Мы в долгу перед тобой, – сказала Таволга.

Серильда замотала головой.

– И слышать не хочу. Поверьте, приключение стоило риска.

Моховицы переглянулись, и Серильда поняла, что они недовольны. Снить решительно подошла, крутя что-то на пальце, и хмуро посмотрела на нее.

– Любая магия требует оплаты, чтобы между нашими мирами сохранялось равновесие. Примешь ли ты это подношение в уплату за помощь, которую оказала мне этой ночью?

Совсем растерявшись, Серильда подставила ладонь и моховица уронила на нее кольцо.

– Что ты, в этом нет необходимости... К тому же, я не творила магию.

Неуловимо птичьим движением Снить склонила голову набок:

– Ты уверена?

Не успела Серильда ответить, как к ней подошла Таволга и сняла с шеи тонкую цепочку.

– Примешь ли ты это подношение в уплату за помощь, которую оказала мне этой ночью? – повторила она за сестрой.

Она положила на ладонь Серильды цепочку с небольшим овальным медальоном. Оба украшения сияли золотом в лунном свете. Настоящим золотом. Дорогие, должно быть, вещицы... Но откуда они у лесного народца? Серильда всегда была уверена, что богатство и вообще вещи им не нужны. Одержимость человечества золотом и драгоценными камнями казалась им отвратительной, отталкивающей. Может, поэтому они с такой легкостью и отдают эти вещи... Для Серильды и ее отца это было настоящее сокровище. Ничего подобного она никогда и в руках не держала.

И все-таки...

Снова помотав головой, она протянула украшения назад.

– Я не могу это взять. Спасибо, но... вам помог бы любой. И платы за это не требуется.

В улыбке Сныти мелькнула снисходительность.

– Плохо ты знаешь людей, если веришь в это, – кисло произнесла она. Потом кивнула на подарки. – Если не примешь подношения, значит, долг не выплачен, и нам придется оставаться у тебя в услужении, пока не расплатимся, – ее глаза предостерегающе потемнели. – Мы предпочли бы, чтобы ты взяла подарки.

Серильда зажала украшения в кулаке.

– Тогда спасибо, – сказала она. – Долг выплачен.

Моховицы кивнули, и у Серильды возникло странное чувство, будто между ними заключена сделка. Заключена и подписана кровью – такой серьезный и торжественный был этот момент.

Желая прогнать возникшее напряжение, Серильда протянула к лесным девам руки.

– Мне кажется, я будто породнилась с вами. Обнимемся?

Таволга вытаращила круглые глазищи. А Сныть *зарычала*. Напряжение и не подумало исчезнуть. Серильда отдернула руки.

– Хотя нет. Это было бы странно.

– Мы пойдем, – сказала Сныть. – Бабушка будет волноваться.

Словно пугливые косули, они побежали в сторону реки и скрылись с глаз.

– Клянусь старыми богами, ну и ночь, – пробормотала Серильда и постучала башмаками о стену, чтобы стряхнуть снег.

В доме ее встретил храп. Отец спал, как сурок, и ничего не заметил. Серильда сняла плащ и со вздохом села к очагу. Подбросила кусок болотного торфа, чтобы огонь не погас. Потом придвинулась ближе к очагу и при свете тлеющих углей стала разглядывать свои награды.

Золотое кольцо.

Золотой медальон.

Когда на них упал свет, Серильда заметила на кольце знак. Герб, вроде тех, что благородные господа ставят на восковые печати. Чтобы разглядеть рисунок, Серильде пришлось напрячься. На гербе был изображен татцельвурм – огромный мифический зверь, похожий на змея с кошачьей головой. Его гибкое тело обвивало букву «Р». Никогда прежде Серильда не видела ничего похожего.

Подцепив ногтем застежку, она открыла медальон. Раздался щелчок, и от восторга у нее перехватило дыхание. Она ожидала, что медальон внутри пустой, но там оказался крохотный портрет – самой тонкой работы, какую только можно представить. На портрете была изображена прелестная девочка – совсем еще ребенок, ровесница Анны, если не младше. Она, наверное, была принцессой или герцогиней, или кем-то таким же важным и знатным – золотые локоны перевиты нитями жемчуга, нежные щеки, высокий кружевной воротник. Царственно приподнятый подбородок и озорной блеск в глазах.

Защелкнув крышку медальона, Серильда надела цепочку с медальоном на шею, и кольцо на палец. Вдохнула и полезла под одеяло. Теперь у нее есть доказательства того, что произошло ночью, но утешительного в этом мало. Если она покажет кому-нибудь эти вещицы, люди решат, что они краденые. Жить с репутацией выдумщицы и врушки совсем не сладко. А уж прослыть воровкой...

Серильда лежала без сна, зажав в кулаке медальон и глядя на то, как золотистые пятна и тени мечутся по потолку.

Глава 6

Иногда Серильда часами размышляла над *подтверждениями*. Над маленькими знаками и ключиками, которые могли подтвердить правдивость истории, преодолеть разрыв между фантазией и реальностью, связать их воедино.

Какие у нее доказательства того, что она отмечена Вирдитом, богом истории и удачи? Истории, которые рассказывал ей на ночь отец? Но она ни разу не спросила, правдивы они или нет. Золотые колеса в ее черных глазах? Ее неудержимый язык? Мать, которая не интересовалась тем, как растет ее дочь, и которая ушла, даже не попрощавшись?

А что доказывает, что Эрлкинг убивает детей, заблудившихся в лесу? Совсем немного – в основном, слухи да сказки. Слухи о призрачной фигуре, которая крадется среди деревьев, прислушиваясь к испуганным крикам ребенка. Нечасто, но почти в каждом поколении на опушке леса находили маленькое тельце, исклеванное воронами до неузнаваемости. Но родители всегда узнавали своего пропавшего ребенка, даже десять лет спустя. Даже, если от него остался только скелет.

Правда, в последние годы такого не случалось, так что вряд ли можно считать это доказательством. Суеверные бредни.

Однако теперь все иначе. Какие у Серильды доказательства, что она спасла двух моховиц, за которыми гналась Дикая Охота?

Золотое кольцо и цепочка, которая к утру нагрелась у нее на груди.

Истоптанная стерня на поле, где она расчищала снег лопатой.

Открытая дверь в подпол осталась незапертой, от дерева все еще пахло сырым луком.

Но ни следа, – вдруг поразились она, – ни следа копыт на заснеженном поле. Снег оставался таким же девственным, как накануне вечером, когда она возвращалась домой. Единственные следы принадлежали ей самой. Никаких напоминаний о полуночных гостях – никаких отпечатков изящных ножек моховиц, тяжелых копыт или лап гончих, похожих на волчьи. Только нежная, нетронутая белизна, весело сверкающая в лучах утреннего солнца.

Вскоре оказалось, что в том, что у нее есть *доказательства*, нет ничего хорошего. Серильда рассказала отцу все, как было, ничего не утаив. Он слушал, жадно, едва ли не с ужасом. В почтительном молчании разглядывал кольцо с печаткой и портрет в медальоне. Сходил посмотреть на дверь подпола. Долго стоял на пороге, пристально глядя на пустой горизонт, за которым лежал Ясневый лес.

Потом, когда Серильда почувствовала, что больше не вынесет молчания, он засмеялся. В его безудержном добродушном смехе слышалось что-то еще, но она не могла понять, что это. Паника? Страх?

– Я уж думал, – заговорил он, вытирая глаза, – что перестал быть таким легковерным. Ну, Серильда, – он обхватил ее лицо грубыми ладонями. – Как ты можешь рассказывать такое и даже не улыбнуться? Чуть не подловила меня, в который уже раз. Где ты это взяла, только честно? – Он подцепил пальцем медальон, висевший у нее на шее. Вспоминая события прошедшей ночи, Серильда побледнела, но сейчас кровь снова хлынула ей в лицо. – Неужели паренек какой подарил? Ты, верно, приглянулась кому-то в городке, а мне рассказать боишься.

Попытившись, Серильда спрятала медальон под платье. Велико было искушение попробовать еще раз. *Настоять*. Отец должен поверить. Ведь на этот раз все было на самом деле. Это случилось. Она не солгала. И она непременно предприняла бы еще одну попытку, если бы не страх, мелькнувший в его взгляде. Отец волнуется за нее. За его деланным смехом скрывается ужас от того, что ее рассказ может оказаться правдой.

Нет, этого Серильда не хотела. Хватит с него тревог и страхов.

– Да что ты, конечно, нет. Никому я не приглянулась. И разве ты видел хоть раз, чтобы я оробела? – она пожала плечами. – Если хочешь знать правду, кольцо я нашла привязанным к поганке в ведьмином кольце, а медальон украла у буки, который живет в реке.

Отец расхохотался.

– Да уж, в это я скорее поверю!

Он вернулся в дом, и Серильда в самой глубине сердца поняла, что, раз уж отец не поверил, не поверит никто. Слишком много выдумок от нее слышали. Наверное, это и к лучшему, подумала она. Если бы то, что произошло, не было правдой, она бы не постеснялась это приукрасить. Она очень любила приукрашивать.

– Кстати, о молодых парнях! – крикнул отец в открытую дверь. – Чуть не забыл! Томас Линдбек согласился помочь мне весной управляться на мельнице.

Серильду словно под дых ударили, когда она услышала это имя.

– Томас Линдбек? – переспросила она, бросаясь в дом. – Брат Ханса? Зачем? Ты раньше не нанимал помощников!

– Старею. Вот и подумал, что неплохо, чтобы молодой здоровый парень был на подхвате, тяжести таскал, и все такое.

Серильда нахмурилась.

– Тебе всего сорок.

Отец, оторвавшись от разжигания огня, с досадой поднял на нее глаза. Со вздохом поставил кочергу и повернулся к ней, отряхивая руки.

– Ладно. Он сам пришел и попросился на работу. Надеется заработать пару монет, чтобы...

– Чтобы что? – нетерпеливо спросила Серильда. Отец медлил с ответом, и это заставляло ее нервничать.

В его взгляде было столько жалости, что внутри у нее все перевернулось.

– Чтобы, как я понимаю, посвататься к Блюме Раск.

Посвататься.

Жениться.

– Понятно, – сказала Серильда, заставив себя улыбнуться. – Не знала, что у них все так... славно. Ну и хорошо. Они чудесная пара, – она отвернулась и посмотрела в очаг. – Принесу-ка яблочко к завтраку. Захватить из погреба еще что-нибудь?

Отец покачал головой, внимательно наблюдая за ней. А нервы у нее совсем расходились. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не топтать ногами и не скрипеть зубами, выходя из дома.

Какое ей дело до того, что Томас Линдбек женится на Блюме Раск? Да и вообще на ком угодно! У нее с ним больше ничего общего. И никаких претензий друг к другу. Прошло уже два года с тех пор, как Томас перестал смотреть на Серильду, как на солнце, и стал видеть в ней грозовую тучу, зловеще ползущую по небосводу. А потом он и вовсе перестал смотреть.

Пусть они с Блюмой живут долго и счастливо. Симпатичный домик в деревне. Двор, полный детей. Бесконечные разговоры о ценах на скотину и о погоде.

Жизнь без проклятий.

Жизнь без историй.

Подняв дверь погреба, Серильда остановилась. Вчера она прятала там двух волшебных созданий. Вот на этом самом месте она стояла, когда встретила с существами из другого мира – злым королем и толпой нежити.

Нет, она не из тех, кто тоскует по простой жизни, и по таким, как Томас Линдбек, она тоже тосковать не намерена.

Истории меняются, когда их постоянно рассказываешь, и ее история не стала исключением. Ночь Снежной Луны становилась все более нереальной. Рассказывая сказку детям, Серильда спасала не моховиц, а злобную маленькую русалку, которая вместо благодарности кусала ее за пальцы, а потом прыгнула в реку и исчезла.

Когда фермер Бауманн принес дрова для школы, Гердрут упросила Серильду повторить эту историю – и теперь Серильда уверяла, что Эрлкинг прискакал не на черном коне, а на громадной виверне, которая выпускала из ноздрей едкий дым, а между чешуек на ее шкуре сочился расплавленный камень.

Потом Серильда пошла к Матушке Вебер, чтобы выменять непряденую шерсть, а там Анна попросила ее еще раз рассказать невероятную историю – и на этот раз Серильда не решилась признаться, что обманула Ольхового Короля, соврав про свои магические способности. Матушка Вебер учила Серильду прясть, когда та была еще совсем маленькой, и с тех пор все ворчала и называла ее неумехой. Местные овцы заслуживают, – говорила она, – чтобы их шубы превращались в тонкую нить, а не в клочкастую, неровную пряжу, которая получалась у Серильды. Если бы старушка услышала о том, как Серильда расписывала Эрлкингу свой талант пряхи, она бы жестоко высмеяла ее.

Поэтому Серильда превратила себя в храбрую воительницу и сочинила для своих слушателей рассказ о мужестве и отваге. Оказывается, она размахивала не лопатой, а смертоносной кочергой, угрожая Королю и прогоняя его слуг-демонов. Серильда в лицах изображала, как замахивалась, била и колотила врагов. Как загнала кочергу прямо в сердце адской гончей и бросила жуткую тварь в мельничное колесо.

Дети надрывались от смеха, когда в конце истории Эрлкинг удирал от Серильды, пища и скуля, а на голове у него красовалась шишка с гусиное яйцо. Анна и ее маленький брат тут же затеяли игру и начали спорить, кто из них будет Серильдой, а кто злым королем. Матушка Вебер вязала, качая головой, но Серильда видела, что она прячет улыбку.

* * *

Серильда думала, что реакция слушателей доставит ей удовольствие. Открытые рты, пристальные взгляды, залихватский хохот... Обычно ей, рассказчице, только этого и было надо. Но она чувствовала, что от этого история будто ускользает от нее, становится все менее реальной. Время и бесконечные переделки заволакивали ее, словно туманом. Она спрашивала себя, как скоро она сама начнет сомневаться в том, что все это с ней произошло на самом деле.

От этих мыслей становилось грустно. Иногда, оставшись одна, она вытаскивала из-за ворота платья цепочку и любовалась портретом девочки, которую про себя называла принцессой. Она терла пальцем гравировку на кольце – татцельвурм закручивался вокруг буквы «Р». Я не забуду, пообещала себе Серильда. Ни одной, самой мелкой подробности.

Громкое *карр* заставило вздрогнуть погрузившуюся в раздумья Серильду. Подняв глаза, она увидела птицу, наблюдавшую за ней через дверь, которую она оставила открытой, чтобы как следует проветрить дом, пока стоит солнечная погода – ведь в любой день могла снова подняться вьюга.

Ну вот, опять она замечталась и забыла о работе. А собиралась ведь спрясть всю шерсть, которую получила от Матушки Вебер. Самая нудная и противная работа на свете. *Tedium incarnate*. С гораздо большим удовольствием Серильда сейчас каталась бы на коньках по застывшему пруду или делала к ужину леденцы из жженого сахара.

Но она задумалась, любуясь маленьким портретом... Она закрыла медальон и сунула его под воротник. Отодвинув трехногий табурет и отставив прялку, подошла к двери. Ух, как, ока-

зывается, похолодало, а она и не заметила. Серильда потерла руки, пытаясь согреть окоченевшие пальцы.

Она остановилась на пороге и тут заметила птицу – ту самую, что заставила ее очнуться. Огромный ворон – Серильда никогда таких не видела, – сидел на сухой ветке орехового дерева, которое росло сразу за их садом. Его огромный силуэт бы четко виден на фоне сумеречного неба.

Серильда иногда подкармливала птиц хлебными крошками. Наверное, этот ворон узнал, что здесь можно подкрепиться.

– Прости, – сказала она, собираясь закрыть дверь. – Сегодня для тебя ничего нет.

Птица склонила голову набок, и тогда-то Серильда ее увидела. *По-настоящему* увидела. И замерла. Сначала ей показалось, что ворон наблюдает за ней, но теперь...

Взъерошив перья, птица снялась с ветки. Дерево закачалось, с ветвей посыпался рыхлый снег, ворон взмыл в небо, хлопая тяжелыми крыльями и на глазах становясь все меньше. Он летел на север, в сторону Ясеневого леса.

Серильда не придавала бы этому значения, если бы не то, что у ворона не было глаз. Ему нечем было за ней наблюдать, разве что пустыми глазницами. А когда он поднялся в воздух, сквозь дыры в его потрепанных крыльях просвечивало фиолетово-серое небо.

– *Нахткрапп*, – прошептала она, прислонясь к двери.

Ночной ворон. Тот, кто при желании мог убить одним взглядом пустых глазниц. О котором рассказывали, что он вырывает сердца у маленьких детей и пожирает их.

Пока демон не скрылся из виду, Серильда смотрела ему вслед, и тут ее взгляд упал на белую луну в небе. Это была Голодная Луна, поднимавшаяся на небо, когда мир был особенно пустым, а люди и животные начинали волноваться, хватит ли им еды, чтобы продержаться до конца долгой безотрадной зимы.

Прошло четыре недели.

Сегодня вечером снова начнется Охота.

Тяжело вздохнув, Серильда захлопнула дверь.

Голодная Луна

Глава 7

Сумерки незаметно сгущались. Серильда пыталась не думать о вороне, но выбросить зловещего гостя из головы никак не получалось. Представляя себе зияющие глазницы на месте черных блестящих глаз, она вздрагивала. А дыры в крыльях, когда он взлетел в воздух! Он был как мертвый. Словно заброшенная, неухоженная вещь...

Дурное предзнаменование.

Как ни старалась Серильда выглядеть беззаботной, пока пекла хлеб к ужину, она чувствовала, что отец о чем-то догадывается. От подозрений воздух в доме становится ледяным. Отец понимал, что Серильду что-то тяготит, но вопросов не задавал. Видимо, знал, что правды все равно не услышит.

Серильда хотела бы рассказать ему о птице, но какой в этом смысл? Он только снова покачает головой, дивясь ее выдумкам. Или того хуже – посмотрит на нее испуганно и затравленно, словно самые страшные его кошмары стали явью.

Поэтому они поддерживали пустую, ничего не значащую беседу и ели рагу из пастернака, приправленное майораном, и телячью колбасу. Отец сказал, что ему предложили работать каменщиком на строительстве новой ратуши в Мондбрюке, небольшом городке на юге. Заплатить обещают столько, что хватить до весны. Зимой дел на мельнице немного – река местами замерзала, течение становилось слишком медленным и уже не могло крутить водяное колесо, которое приводило в действие жернова. В это время отец занимался ремонтом, вытачивал новые жернова, но под конец зимы, когда все домашние дела были переделаны, приходилось искать работу на стороне.

Что ж, Зелигу это пойдет на пользу, сказала Серильда. Ежедневные поездки в Мондбрюк и обратно помогут старому коню еще некоторое время оставаться в форме.

Потом Серильда рассказала отцу о переживаниях Гердрут из-за того, что у нее шатается первый молочный зуб. Она уже выбрала место в саду, где посадит его, но беспокоилась, что земля зимой слишком твердая, и новый зуб вырастет не таким красивым и крепким. Отец усмехнулся и рассказал Серильде, что когда она потеряла первый молочный зуб, то отказалась сажать его в саду и оставила на крыльце рядом с тарелкой печенья – в надежде, что за ним явится зубная ведьма, утащит и зуб, и Серильду, и у нее будет ночь приключений.

– Как же я, наверное, была разочарована, что она не пришла.

Отец пожал плечами.

– Не знаю, что и думать. Наутро ты рассказала мне о своем путешествии с ведьмой. Где она только тебя не катала – до самых великих дворцов Отгельена, если я правильно запомнил.

Они надолго замолчали, только отец посматривал на дочь поверх миски, и взгляд его становился все более задумчивым. Наконец, он вздохнул, и Серильда была уверена, что сейчас он о чем-то ее спросит, но тут в дверь постучали.

Серильда вздрогнула. Если бы она уже не доела рагу, оно выплеснулось бы из ее миски. Переглянувшись с отцом, они оба уставились на закрытую дверь – и снова друг на друга. Посреди зимы, когда мир так тих и неподвижен, любого, кто подходит к дому, слышно изда-лека. Но они ничего не слышали – ни скрипа снега под ногами или колесами, ни стука копыт.

Они оба встали, но Серильда оказалась проворнее.

– Я открою, – сказала она. – А ты доедай.

Наклонив миску, она шумно втянула последние остатки рагу, поставила миску на стул и направилась к двери.

Открыла... и захлебнулась морозным воздухом.

Перед ней стоял широкоплечий, элегантно одетый мужчина. Из его левой глазницы торчало железное долото. Серильда не успела разглядеть подробнее – сильная рука схватила ее за плечо и втащила обратно в дом. Дверь захлопнулась. Серильда с безумными глазами обернулась к отцу.

– Это было... Что... Скажи, что мне показалось! Что этот человек не... не был... – отец побелел, как привидение. Он стал бледнее призрака, стоявшего на их пороге.

– Отец, – зашептала Серильда. – Успокойся. Нужно узнать, чего он хочет.

Но отец крепко держал ее за руки, не давая пошевелиться.

– Чего он может хотеть?! – прошипел он, как будто она сказала ужасную глупость. – Он мертвец! Мертвец у нашей двери! Что, если он один из тех... из тех, кто принадлежит *ему*?..

Принадлежит Эрлкингу.

Серильда сглотнула. Она не могла объяснить, откуда ей известно, что призрак действительно был слугой или кем-то вроде доверенного лица Эрлкинга. Она не очень-то разбиралась в том, как все устроено при Темном дворе.

– Нужно быть вежливыми, – твердо сказала она, гордясь тем, что ее слова звучат не только смело, но и практично. – Даже с мертвыми. Особенно с мертвыми.

Разжав пальцы отца, она расправила плечи и повернулась к двери. Тот человек так и стоял, не двинувшись с места, и лицо его оставалось спокойно-безразличным. Довольно трудно было не пялиться на долото и полосу темной крови, пропитавшей бороду, тронутую сединой. Однако Серильда заставила себя посмотреть в его здоровый глаз – в нем, кстати, не было отблесков огня, как можно было ожидать. Несмотря на седину в волосах, он не показался ей стариком. Наверное, чуть старше отца. И на одежду она невольно обратила внимание – та хоть и была хороша, но вышла из моды лет сто, а то и двести назад. Черный берет с золотыми перьями идеально сочетался с бархатным плащом, наброшенным поверх камзола цвета слоновой кости. Наверное, он был дворянином... Но что общего у дворянина с плотницким инструментом, торчавшим в его глазнице?

Серильде отчаянно хотелось спросить, но вместо этого она сделала реверанс.

– Добрый вечер, сэр. Чем мы можем быть вам полезны?

– Его Непреклонность Эрлкинг, Ольховый Король, просит вас оказать ему честь своим присутствием.

– Нет! – выкрикнул отец Серильды, вновь хватая ее за руку, но в этот раз она не позволила втащить себя в дом. – Серильда... Эрлкинг?!

Он знал. Он знал, что ее история правдива.

Серильда подтвердила:

– Да, отец. Я действительно повстречала Эрлкинга в новогоднюю ночь. Но я даже представить не могу... – Она повернулась к призраку: – Что ему от меня нужно?

– Прямо сейчас? – просипел призрак. – Повиновение.

Он отступил, взмахом руки указав куда-то в ночь, и Серильда увидела карету. Или клетку? Трудно было сказать... Экипаж округлой формы был сделан из гнутых прутьев, таких же белых, как снег, лежавший вокруг. Между прутьями при свете полной луны мерцали серебром тяжелые черные занавеси. Что за ними, внутри, было не разглядеть.

В карету-клетку были впряжены два бакхауфа. Выглядели эти чудовища довольно жалко – они были похожи на быков, с растущими из ушей витыми рогами, а спины их были такими сгорбленными, что головы почти касались земли. Длинные, как змеи, хвосты мели по дороге, в пастях торчали совсем не коровьи зубы. Они неподвижно ждали кучера. Его место пустовало, и Серильда решила, что, наверное, каретой правит призрак, который явился за ней, чтобы отвезти в Грейвенстоун, в замок Эрлкинга...

– Нет! – простонал отец. – Не забирай ее, умоляю! Серильда...

Она снова повернулась к отцу, пораженная выражением мучки на его лице. Эрлкинга и его призрачную свиту боялись все, но Серильде показалось, что в глазах отца она видит что-то еще – не просто испуг, вызванный сотнями историй, которые он слышал, а... *знанием*. Он что-то знал, и это было настоящей причиной его отчаяния. Он был уверен, что ее ожидает нечто ужасное, если она последует за призраком.

– Видимо, нужно было сразу предупредить, что это не просто вежливое приглашение, – заговорил призрак. – Если вы его отклоните, последствия будут... печальными.

Сердце Серильды забилося чаще. Схватив отца за руки, она крепко их сжала.

– Он прав, папочка. Нельзя отказывать Эрлкингу. Если только ты не хочешь, чтобы случилось что-то ужасное... с тобой или с твоими близкими.

– Или со всем вашим городком и со всеми, кого вы когда-то любили, – скучающим тоном добавил призрак. Серильде показалось, что он вот-вот зевнет, но он бросил на нее резкий, предостерегающий взгляд.

– Серильда, – отец понизил голос. – Что ты ему наговорила? Чего он хочет?

Она покачала головой.

– Все, как я тебе говорила, отец. Я просто рассказала ему историю, – и Серильда постаралась как можно беспечнее пожать плечами. – Может быть, ему захотелось послушать еще одну.

В глазах ее отца было сомнение, но... вдруг появился и слабый проблеск надежды. Видимо, догадалась она, отец забыл, какую именно историю она рассказывала той ночью. Эрлкинг поверил, что она может превращать солому в золото. Но... Да нет, не может быть, чтобы речь шла *об этом*. Зачем Ольховому Королю золотая пряжа?

– Я должна ехать, папочка, мы оба это знаем, – она кивнула кучеру. – Мне нужна минута, чтобы собраться.

Закрыв дверь, она забежала по комнате, надела самые теплые чулки, плащ для езды верхом и башмаки.

– Соберешь мне еды в дорогу? – попросила она отца, который все стоял у двери, в отчаянии ломая руки. Серильда хотела вывести его из ступора, хотя и еда пригодится. Правда, она была еще сыта после ужина и, учитывая вдруг накрывшую ее тревогу, сомневалась, что в ближайшее время захочет есть.

Когда Серильда уже была готова и пыталась сообразить, что еще ей может понадобиться, отец протянул ей желтое яблоко, ломоть ржаного хлеба с маслом и кусок твердого сыра – все было завернуто в носовой платок. Она быстро поцеловала отца в щеку.

– Со мной все будет хорошо, – шепнула она, надеясь, что по ее лицу не видно, что она в этом совсем не уверена.

Судя по нахмуренным бровям отца, выражение ее лица не имело значения. Он не уснет сегодня ночью и будет с ума сходить от беспокойства, пока дочь не вернется домой, живая и невредимая.

– Будь осторожна, – сказал он, заключая ее в крепкие объятия. – Говорят, он умеет очаровывать, но помни, что за этим обаянием скрывается жестокое и злое сердце.

Серильда рассмеялась.

– Папочка, да что ты! Уверяю тебя, Эрлкингу нет никакого интереса очаровывать меня. Он явно вызывает меня для чего-то другого.

Отец хмыкнул, не соглашаясь, но больше не проронил ни слова. В последний раз обняв его, Серильда решительно распахнула дверь.

Призрак ждал у кареты. Он бесстрастно наблюдал за Серильдой, пока она шла по заснеженной дорожке. Только подойдя совсем близко, она увидела – то, что издали казалось прутьями клетки, на самом деле было частью скелета какого-то огромного зверя. Ноги сами остановились. Серильда уставилась на выбеленные кости, покрытые замысловатой резьбой –

колючие побеги лозы, распускающиеся лунные цветы и всякие существа, большие и маленькие – летучие мыши, обычные мыши и совы, татцельвурм и нахткрапп...

Кучер нетерпеливо кашлянул, и Серильда отдернула пальцы, которыми рассеянно водила по потрепанному крылу нахткраппа. Она оперлась на его руку и позволила подсадить себя в карету. Пальцы призрака были достаточно твердыми, но казалось, будто прикасаешься... к покойнику. Сухая ломкая кожа, будто рука рассыплется в пыль, сожми она ее покрепче. Впрочем, ледяным, как Эрлкинг, он не был – потому что, как она предполагала, что один был существом из преисподней, и потому, вероятно, в нем текла адская кровь, а другой – просто духом, у которого крови в жилах вообще не осталось.

Стараясь сдержать дрожь, она отдернула занавеску и шагнула в карету, затем с руками укуталась в плащ и попыталась убедить себя, что дрожит только из-за крепчающего мороза.

Внутри ее ждала мягкая скамья. Карета была маленькой и вряд ли вместила бы второго пассажира, но Серильда была одна. Экипаж показался ей довольно уютным и удивительно теплым, тяжелые шторы укрывали от холодного ночного воздуха. К потолку был подвешен небольшой фонарь, сделанный из черепа и зубастых челюстей еще какого-то существа. Внутри черепа светила темно-зеленая восковая свеча, и ее теплое пламя не только приятно грело, но и излучало золотой свет, лившийся через глазницы, ноздри и щели между острыми оскаленными зубами. Серильда, ошеломленная тем, что ей предстоит поездка в таком роскошном экипаже, села на скамью.

Неожиданно для себя она протянула руку и провела пальцем по челюсти фонаря. Шепотом поблагодарила зверя, отдавшего жизнь, чтобы она могла ехать с таким комфортом. Челюсти, щелкнув, захлопнулись. Серильда ахнула и едва успела отдернуть руку. В следующее мгновение фонарь снова открыл пасть. Снаружи послышался свист кнута, и карета исчезла в ночи.

Глава 8

Раздвинув тяжелые занавески, Серильда глядела на пролетающие мимо поля и холмы. Она мало что знала о мире за пределами Мерхенфельда (ей доводилось ездить только в соседние городки Мондбрюк и Флек, а в раннем детстве она однажды побывала в Норденбурге) и мечтала увидеть как можно больше. И как можно больше узнать. И все до мельчайших подробностей сохранить в памяти, чтобы потом вспоминать и обдумывать.

Поля быстро остались позади, они выехали на дорогу, идущую вдоль реки Сорге, и карета оказалась словно в ловушке между вившейся справа черной рекой и Ясенывым лесом, угрожающе темневшим слева. Через некоторое время карета свернула с дороги на ухабистую тропу, которая вела прямо в лес.

Когда впереди замаячили кроны деревьев, Серильда обхватила себя руками, почти уверенная, что почувствует перемены сразу, как только карета въедет под сень ветвей. По спине пробежал холодок... Но ничего необычного она не ощутила, разве что воздух стал чуть теплее, когда деревья укрыли их от ветра.

А еще здесь было гораздо темнее, и приходилось щуриться, чтобы разглядеть хоть что-то. Бледный свет луны почти не проникал сквозь плотно сплетенные ветви, лишь изредка серебряные отблески падали на суковатые стволы, на миг осветив замерзший пруд или ночную птицу, порхнувшую в чаще.

Серильда только диву давалась, как это бакхауфы отыскивают путь, и как возница правит в такой темноте. Но звери бежали резво и лесное эхо разносило стук их копыт. Путники редко заглядывали в Ясенывый лес – только если не было выбора. Смертным здесь нечего было делать.

Серильде стало страшно.

– Прекрати, – строго пробормотала она себе и задернула занавеску. Да и какой смысл смотреть в окно, когда темнота становится все гуще.

Она посмотрела на фонарь-череп и представила, что он тоже ее видит.

Она улыбнулась ему.

Череп в ответ не улыбнулся.

– Ты, похоже, проголодался, – сказала она, открывая сверток, собранный для нее отцом. – Кожа да кости... Вообще-то, просто кости.

Она вытащила сыр, разломила пополам и протянула половинку черепу. У того раздулись ноздри, и ей показалось, что она слышит, как он тянет носом воздух, принюхивается... Но вдруг он с отвращением сжал зубы.

– Ну, как хочешь.

Откинувшись на спинку сиденья, Серильда откусила кусочек, наслаждаясь и утешаясь тем немногим, что у нее было – соленным рассыпчатым сыром.

– С такими-то зубами ты, должно быть, привык охотиться. Интересно, что же ты за зверь? Не волк. Во всяком случае, не обыкновенный волк. Может, лютоволк? Хотя нет – ты, пожалуй, еще крупнее.

Она надолго задумалась, а огонек свечи колебался, ничем ей не помогая.

– Наверное, можно спросить у возницы, но он, кажется, не из болтливых. Вы с ним, должно быть, неплохо ладите.

Едва она успела доесть сыр, как дорога под колесами кареты изменилась. Серильда это сразу почувствовала. Тряска по ухабистой, заросшей лесной тропе прекратилась, они выехали на ровную и гладкую дорогу.

Серильда снова отодвинула занавеску.

К ее удивлению, лес остался позади. Они направлялись к огромному озеру, мерцающему в лунном свете. На востоке его окружали другие леса, а на севере раскинулись предгорья хребта

Рюкграг – Серильда в этом не сомневалась, хотя и не видела их в темноте. Западный берег озера был скрыт пеленой густого тумана. Остальной мир сиял и искрился алмазно-белым снегом.

Удивительнее всего было то, что они подъезжали... к городу. К толстой каменной стене с коваными воротами, которой он был обнесен, снаружи лепились дома с соломенными крышами, за стеной виднелись высокие шпили, а в глубине – башни. Вдалеке, за рядами домов и лавок, еле заметный на берегу озера, стоял замок.

Карета свернула, и замок исчез. Они въехали в тяжелые ворота, которые, как ни странно, оказались незапертыми. Ясневый лес подступал к самому городу, и Серильда, если бы жила здесь, держала бы ворота запертыми по ночам, особенно в полнолуние.

Она засмотрелась на проплывающие мимо фахверковые здания, их фасады с резными узорами на карнизах напоминали лоскутное одеяло. По сравнению с ее маленьким Мерхенфельдом, этот город казался огромным. «Но даже он, – подумала она, – вероятно, довольно мал по сравнению с по-настоящему крупными торговыми городами на юге и портовыми городами далеко на западе».

Сперва Серильда решила, что город, возможно, заброшен... Но нет, он выглядел опрятным и ухоженным. Обнаружились и признаки жизни. На улицах по-прежнему не было ни души, а в окнах ни огонька (ничего удивительного, близился колдовской час), но она заметила аккуратные грядки, припорошенные снегом, и учуяла печной дым. Откуда-то донеслось меканье козы – его ни с чем не спутаешь, – в ответ мяукнула кошка.

Люди просто спят, подумала Серильда. Так и должно быть. И она бы сейчас спала, если бы ее не призвали ради какой-то странной прихоти.

Это вернуло ее мысли к более важной загадке.

Где она оказалась?

Ясневый лес принадлежал лесному народу и темным. Она всегда представляла себе, что где-то в глубине этого леса стоит замок Грейвенстоун, мрачный и зловещий – крепость с множеством изящных башен, которые поднимаются выше самых старых деревьев. Ни в одной сказке или истории не упоминалось об этом озере... да и об этом городе тоже.

Карета выехала на главную улицу, и Серильда снова увидела замок. Это было прекрасное и величественное строение с множеством башен и башенок, окружавших центральный донжон. И только когда карета свернула от последнего ряда домов к длинному узкому мосту, Серильда сообразила, что замок построен не на окраине города, а посреди озера, на острове. Чернильно-черная вода отражала каменные стены, озаренные лунным светом. Колеса грохотали по мосту, вымощенному булыжником, и Серильда, дрожащая от охватившего ее озноба, разглядывала, вытянув шею, мощные сторожевые башни по сторонам барбикана².

Оставив позади подъемный мост и ворота, они въехали во двор. Замок был окутан туманом, так что видны были лишь отдельные его части. Карета остановилась, и к ним, выскочив из конюшни, подбежал юноша, на несколько лет младше Серильды, в простой рубахе и с неровно остриженными волосами.

Дверь кареты распахнулась. Призрак с долотом в глазу жестом пригласил Серильду следовать за ним. Она попрощалась с фонарем, и призрачный возница странно посмотрел на нее, а потом ступила на мостовую, радуясь, что на этот раз он не стал предлагать ей руку. Мальчишка-конюх повел огромных зверюг к стойлу.

Интересно, подумала Серильда, не в этих ли конюшнях стоят огромные кони, которых она видела той ночью? И каких еще невиданных существ держит Эрлкинг? Она хотела спросить провожатого, но тот уже свернул к главной башне. Серильда бросилась догонять его, поблаго-

² Барбикан – оборонительная постройка, защищающая вход или подъемный мост в крепость.

дарив конюха улыбкой. Он вздрогнул и поклонился, так что стала видна цепочка синяков на его шее, которая спускалась и исчезала под воротником рубахи.

Серильда едва не споткнулась. У нее сжалось сердце. Откуда у него синяки – неужели он получил их, уже став призраком, здесь, среди Темных? Или они были у него раньше? Возможно даже, это причина его смерти, ведь никаких других ран видно не было.

Измученный вскрик заставил Серильду обернуться и посмотреть в другой конец двора. Она обомлела, сначала увидев большой загон из железных прутьев и стаю адских гончих, привязанных к врытому посреди него столбу. Потом, когда поняла, что один из псов сорвался с привязи. Он несся прямо к ней – горящие глаза, жуткая оскаленная пасть, обнаженные клыки.

Серильда с криком помчалась назад, к воротам, но надежды убежать от зверя не было.

Пробегая мимо кареты, она вдруг остановилась, вскочила на колесо, а с него, хватаясь за ребра и то, что могло быть куском позвоночника, взобралась на крышу. Едва она оказалась наверху и подтянула ноги, как внизу щелкнули зубы, и ее обдало жаром из пасти гончей.

Стоя на четвереньках, Серильда затаила дыхание. Внизу, не сводя с нее горящих глаз и раздувая ноздри, бесновалась гончая. Цепь, которая должна была удерживать ее, гроыхала по брусчатке. В отдалении кто-то кричал: *К ноге! Ко мне! Нельзя!* Не обращая внимания на команды, гончая прыгала на задних лапах, передними царапая дверцу кареты. Серильда сжалась. Собака была громадной, и если она прыгнет...

Вдруг раздался громкий звук – *вжик...*

Собака взвизгнула, дернулась, замерла. Серильда, оцепенев от ужаса, увидела длинное древко стрелы, оперенное блестящими черными перьями. Стрела вошла собаке в глаз и вышла из пасти. Из раны повалил черный дым, и видно было, как под взъерошенной шерстью медленно угасает пламя. Гончая повалилась на бок, ноги ее дернулись, она захрипела и испустила последний вздох.

От прилившей к лицу крови Серильда почувствовала головокружение. Она заставила себя оторвать взгляд от гончей. На ступенях башни стоял Эрлкинг, в одежде из тонкой кожи. Черные волосы были небрежно откинuty назад. На боку у него висел массивный арбалет.

Не обращая на Серильду внимания, король устремил свой острый взгляд на женщину, стоявшую между собачьим загонem и каретой. Поразительно изящная – такая утонченная элегантность вообще свойственна Темным, – одета она была неброско и практично. Руки и ноги перетянуты кожаными ремнями.

– Что случилось? – спросил он с обманчивой невозмутимостью.

Женщина торопливо поклонилась.

– Я готовила гончих к охоте, Ваша Мрачность. Дверь загона была отворена, а цепь, судя по всему, надпиlena. Я стояла спиной и ничего не видела, пока пес не выскочил, и... – ее взгляд метнулся сначала к Серильде, до сих пор сидевшей на крыше кареты, а потом вниз, к телу гончей. – Это моя вина, господин.

– Почему? – протянул Эрлкинг. – Разве это ты надпилила цепь?

– Что вы, мой господин! Конечно же нет. Но за собак отвечаю я.

Король раздраженно фыркнул.

– Почему она не слушала моих команд?

– Это щенок, еще не до конца вышколенный. Перед охотой псов не кормят, вот и... Он был голоден.

Широко открытыми глазами Серильда снова посмотрела на лежащего зверя – он был ненамного меньше нее. Внутренний огонь в нем потух, остались лишь клочья черной шерсти на ребрах, да зубы – такие крепкие, что легко раскусили бы человеческий череп. Теперь она видела, что он действительно мельче псов, которые участвовали в охоте, но все же... Неужели это щенок?! Неутешительная мысль.

– Закончи работу, – сказал король. – И убери тело.

Перекинув арбалет за спину, он сошел с крыльца и остановился перед женщиной, отвечавшей за гончих.

– Твоей вины в произошедшем нет, – продолжал он, глядя поверх ее склоненной головы. – Здесь наверняка не обошлось без духа-буяна.

Его губы слегка скривились, как будто слова были горькими на вкус.

– Благодарю, Ваша Мрачность, – пробормотала женщина. – Клянусь, такого больше не повторится.

Эрлкинг прошел через двор и остановился у кареты, глядя на Серильду. Стоя на четвереньках нелепо было бы кланяться или присесть, и Серильда просто улыбнулась.

– Здесь всегда так весело?

– Не всегда, – ответил Эрлкинг по-прежнему ровно и размеренно. Он подошел ближе, тени приблизились вместе с ним. Серильда съежилась, хотя с крыши кареты смотрела на короля сверху вниз. – Гончим редко удается полакомиться человеческой плотью. Можно понять, почему пес пришел в такой азарт.

Серильда подняла брови. Хотелось думать, что король пошутил, но она не была уверена, что у Темных есть чувство юмора.

– Ваше вели... Ваша Мрачность, – выговорила она почти не дрогнувшим голосом. – Для меня великая честь снова предстать перед вами. Не думала, что сам Ольховый Король призовет меня в замок Грейвенстоун.

Уголок его губ дернулся. В свете луны они казались фиолетовыми, как свежий кровоподтек или раздавленная ежевика. Рот Серильды наполнился слюной.

– Стало быть, тебе известно, кто я, – произнес Эрлкинг с легкой насмешкой. – Мне было это интересно, – он быстро скользнул взглядом по двору. Конюшни, собачьи клетки, зловещие стены... – Но ты ошиблась. Это не Грейвенстоун. Мой дом полон воспоминаний, к которым я не хочу возвращаться, поэтому я провожу там мало времени. Своим домом и оплотом я назначил Адальхейд.

Снова встретившись с Серильдой взглядом, он улыбнулся, словно чему-то обрадовался.

– Королевская семья им все равно не пользовалась.

Адальхейд... Название показалось Серильде смутно знакомым, но она не могла вспомнить, где слышала его. Не могла она понять, и какую именно королевскую семью Эрлкинг имеет в виду.

Мерхенфельд и Ясеновый лес лежали в самой северной части Королевства Тулваск. Насколько понимала Серильда, отношения между ее правителями – королевой Агнеттой Второй и домом Розенштадт, были основаны на договоренностях о границах, произвольно нанесенных на карту, налогах, временных торговых путях и обещании поддержки в случае войны. Впрочем, войн тут не бывало; королевство было надежно защищено базальтовыми скалами, с одной стороны обрывавшимися в бурное штормовое море, с другой – переходящими в неприступные горы Рюкрат. Столичный город Верена лежал далеко на юге – так далеко, что Серильда не встречала никого, кто там побывал. А члены королевской семьи на ее памяти никогда не навещали Мерхенфельд, отдаленный уголок их страны. О королевской семье земляки Серильды говорили как о чем-то далеком, чужом. Поговаривали даже, будто короли с юга рады не вмешиваться в их жизнь, так как опасаются гнева истинных правителей севера – Эрлкинга и его Темных, которые, вырвавшись из-за завесы, остались безнаказанными и ни перед кем не держали ответ, а также Лесной Бабушки и лесного народа, который никогда не подчинится людям.

– Полагаю, – сказала Серильда, – вряд ли кто-то станет возражать, если вы заявите свои права на этот замок. Да и... на все, чего бы вы не пожелали.

– Бесспорно, – заметил Эрлкинг и указал на сиденье кучера. – Теперь можно спуститься.

Серильда бросила взгляд в сторону собачьего загона. Гончие жадно следили за ней, натягивая цепи. Но, кажется, теперь цепи держали крепко, а дверь загона была надежно заперта.

А еще она заметила, что появились зрители. Вокруг собирались призраки, с размытыми, как легкая дымка, очертаниями – такими тонкими, что казалось, стоит им выйти из круга лунного света, как они растворятся и исчезнут.

Однако больше ее пугали Темные. В отличие от призраков, они были такими же плотными, как и она. Они выглядели утонченными, как эльфы, с кожей, отливающей серебром, бронзой и золотом, но все в них было резким – скулы, очертания плеч, ногти... Настоящая свита своего короля, они следовали за ним с незапамятных времен, когда им удалось совершить побег из Ферлорена. Они сверлили Серильду пристальными, злыми взглядами.

Во дворе собрались и другие создания – одни величиной с кошку, с черными когтями и заостренными рожками, другие размером с ладонь Серильды, с перепончатыми, как у летучих мышей, крыльями и сапфирово-синей кожей. Некоторых можно было бы принять за людей, если бы не чешуя на коже и не шапка мокрых водорослей на голове. Гоблины, кобольды, феи, водяные. Серильда узнала далеко не всех.

Ольховый Король откашлялся.

– Не торопись. Меня развлекает, когда человеческие детишки смотрят на меня сверху вниз.

Серильда нахмурилась.

– Мне восемнадцать лет.

– Вот именно.

Она поморщилась, но Эрлкинг не обратил на это внимания.

Стараясь двигаться как можно изящнее, она перелезла с крыши на сиденье и спустилась на землю, опираясь на протянутую руку короля. Она пыталась заставить свои ноги не так сильно дрожать, но ей трудно было избавиться от ледяного ужаса, который пополз по руке от его прикосновения.

– Готовьте Охоту! – зычно крикнул король и повел ее к центральной башне. – У меня есть неотложное дело к этой смертной. К тому времени, как мы с ней закончим, собаки и лошади должны быть готовы.

Глава 9

По обе стороны от входа в башню стояли бронзовые фигуры охотничьих псов – до того правдоподобные, что, проходя мимо них, Серильда шарахнулась в густую тень башни. Из-за этого пришлось почти бегом догонять быстроногого короля. А так хотелось остановиться, осмотреться, дивясь всему – огромным и древним деревянным дверям с почерневшими железными петлями и тяжелыми, грубо обработанными засовами; светильникам-люстрам из железа, рога и кости; каменным столбам, покрытым затейливыми узорами из ежевики и бутонов роз.

Они вошли в пышный вестибюль с двумя широкими лестницами, поднимающимися вверх. Влево и вправо уходили длинные коридоры с множеством дверей. Но король повел Серильду вперед – сквозь арку в ярко освещенный парадный зал – факелы на стенах, высокие канделябры по углам, люстры, свисающие с потолка – некоторые размером с карету, в которой она приехала. Полы были устланы толстыми коврами и шкурами. Стены украшали гобелены, но они не добавляли уюта этому залу, столь же жуткому, сколь и величественному.

Вообще, обстановка напоминала охотничий домик с впечатляющей коллекцией чучел зверей. Со стен смотрели отрубленные головы, из каждого угла выглядывали чучела, готовые броситься на Серильду. Кого тут только не было – маленький василиск и огромный вепрь, бескрылый дракон и змей с глазами из драгоценных камней. Были здесь звери с закрученными рогами, могучими панцирями, со множеством голов. Серильду охватывал то ужас, то восторг – ей явились ожившие кошмары. Нет... не ожившие. Все они были мертвы. Но мысль о том, что они настоящие, приводила ее в восторг – значит, многие из историй, которые она рассказывала все эти годы, были, оказывается, не чистой выдумкой.

В то же время, при виде всех этих поразительных созданий, лишенных жизни и выставленных напоказ, у нее защемило сердце.

Даже огонь, потрескивавший в камине, таком высоком, что Серильда могла бы, не пригибаясь, стоять внутри, не помогал справиться с пронизывающим холодом. Серильде хотелось подойти, протянуть к огню руки, погреться – ее так тянуло к уютному теплу, – но вдруг она заметила, что на камин взгромоздилось какое-то существо.

Она застыла, не в силах отвести от него взгляд. Существо было похоже на змею, с двумя гребнями колючих шипов на лбу и рядами острых, как иглы, зубов, торчащих из пасти. Прищуренные зеленые глаза были окружены чем-то, похожим на серый жемчуг, а во лбу сверкал красный камень – не то драгоценное украшение, не то зоркий третий глаз. Из-под левого перепончатого, как у летучей мыши, крыла торчала стрела с черным оперением, совсем маленькая – трудно было поверить, что она и убила эту тварь, которая, кстати, вовсе не выглядела мертвой. Ее так искусно набили и придали ей до того естественную позу, что, казалось, она вот-вот соскочит с камин и вцепится в Серильду челюстями. Подойдя ближе, Серильда решила, что теплое дыхание и хриплое мурлыканье, вырывающиеся из пасти существа, ей мерещатся.

– Это э-э-э... – начала она. – Что это?

– Рубиновая виверна, – раздался голос у нее за спиной. Серильда вздрогнула от неожиданности. Она не заметила, что возница вошел следом за ними.

Сейчас он с безмятежным видом стоял в нескольких футах от нее, сцепив руки за спиной, и казалось, что кровь, которая даже сейчас капала из его пронзенной глазницы, его ничуть не беспокоит.

– Очень редкая. Его Мрачность ездил в Лизрайх, чтобы на нее поохотиться.

– Лизрайх? – ошеломленно переспросила Серильда. Она представила карту, висящую на стене в школе. Лизрайх лежал за морем, далеко на западе.

– И часто он... охотится так далеко?

– Когда трофеей того стоит, – последовал расплывчатый ответ. Кучер взглянул на дверь, за которой скрылся король. – Не советую вам медлить. Мягкость нашего повелителя обманчива.

– Верно. Прошу прощения, – и Серильда поспешила за королем. Следующий зал был, видимо, гостиной со множеством нарядных кресел и стульев, освещенных красноватым светом от камина. Но короля там не оказалось.

Она двинулась к следующей двери, за которой оказался еще один зал – пиршественный. Король находился там. Скрестив на груди руки, с ледяным блеском в глазах, он стоял во главе невероятно длинного стола.

– Потрясающе, – сказала Серильда, подумав, что за ним можно разместить не меньше сотни гостей. – Сколько же лет было дереву, отдавшему жизнь, чтобы этот стол был изготовлен?

– Оно было моложе меня, уверяю, – раздраженно ответил король. Серильда смутилась и испугалась. Нельзя сказать, что до сих пор она была совершенно спокойна – тревога не оставляла ее с того самого момента, как призрак появился на пороге их дома. Но сейчас в голосе короля прозвучало скрытое предупреждение, и это заставило ее собраться. Мысль, которую она гнала от себя всю эту ночь, напомнила о себе: не следовало забывать, что Эрлкинг не пользовался репутацией добряка.

– Подойди ближе, – велел он.

Стараясь не показывать страха, Серильда пошла к нему, краем глаза поглядывая на стены. Висящие на них красочные гобелены изображали сцены охоты – лающих адских гончих, осаждающих испуганного единорога, или погоню за крылатым львом.

Она шла, и изображения становились все более жестокими. Смерть. Кровь. Мучительная боль в глазах несчастных жертв – и, разительный контраст, – ликование на лицах охотников.

Содрогнувшись, Серильда посмотрела на короля. Он пристально разглядывал ее, но по его непроницаемому лицу невозможно было догадаться, о чем он думает.

– Надеюсь, ты понимаешь, зачем я послал за тобой.

У нее екнуло сердце.

– Осмелюсь предположить... Потому что вы сочли меня милой и очаровательной.

– Люди считают тебя очаровательной?

Он задал вопрос с искренней заинтересованностью, но Серильду кольнула обида.

– Кое-кто так считает, да. Правда, в основном, это дети.

– У детей отвратительный вкус.

Серильда прикусила губу.

– Возможно, в некоторых вещах. Зато они никогда не лукавят, и я очень ценю эту их черту.

Внезапно король шагнул вперед. Он без предупреждения схватил Серильду за подбородок и заставил поднять голову. Она, не дыша, смотрела в глаза цвета грозового неба, опущенные ресницами толщиной с сосновые иглы. Его сверхъестественная красота на миг ослепила ее, но в оценивающем взгляде Эрлкинга не было ни капли теплоты. Только расчет и легкое удивление.

Он разглядывал ее довольно долго, так что у нее сбилось дыхание, а затылок защипало от холодного пота. Пристальный взгляд Эрлкинга задержался на ее глазах. Внимательно, заинтригованно, едва ли не зачарованно изучал он их. Обычно люди рассматривали Серильду исподтишка, любопытство боролось в них со страхом, король же смотрел открыто. Не то чтобы брезгливо, но... Гм-м. Серильда не могла определить, какие чувства она у него вызывала.

Наконец, Эрлкинг отпустил ее и кивнул в сторону обеденного стола.

– Мой двор пирует здесь после долгой охоты, – сказал он. – Этот зал для меня священен, здесь преломляют хлеб, наслаждаются вином, произносят тосты. И торжество, и поддержание сил, – он махнул рукой в сторону гобеленов. – Потому-то это одно из моих любимых мест, где я с гордостью могу похвалиться нашими великими победами. Каждый из трофеев – сокровище.

Напоминание о том, что, хотя недели тянутся томительно долго, долгожданное полнолуние всегда наступает. Скоро нас ждет новый выезд. Мне нравится думать об этом. Это вселяет в нас боевой дух.

Повернувшись к Серильде спиной, король приблизился к стоящему у стены длинному буфету. На одном конце его стояли кубки из олова, на другом – тарелки и блюда, подготовленные к обеду или ужину. На стене висело чучело голенастой птицы с длинным узким клювом. Птица напоминала бы журавля или цаплю, если бы не крылья. Широко раскинутые, словно готовые к полету, они были окрашены в пронзительно-яркие оттенки желтого и оранжевого, а кончик каждого пера словно окунули в синий кобальт. Поначалу Серильда решила, что ей чудится, что это играют отблески свечей, но чем больше вглядывалась, тем яснее видела, что перья светятся.

– О, это герциния, – пояснил король. – Они водятся в самой западной части Ясеневого леса. Одно из множества лесных существ, которые, как говорят, находятся под защитой Пуш-Гролы и ее прислужниц.

При упоминании о моховицах и Лесной Бабушке Серильда замерла.

– Я очень доволен этим приобретением. Она довольно красива, не так ли?

– Она прекрасна, – еле выговорила Серильда непослушным языком.

– Но ты же видишь сама, она здесь совсем не к месту, – темный властелин отступил, с неудовольствием окинул стену взглядом. – Я долго ждал, пока подвернется что-нибудь подходящее, чтобы обрамить ее. И каков же был мой восторг, когда в прошлое полнолуние мои собаки напали на след не одной, а целых *двух* моховиц. Можешь себе представить? Их забавные мордочки, лисьи уши торчком, короны из зеленых ветвей, – рукой он описал дугу, указав влево и вправо от птицы. – Они бы вечно наблюдали, как мы здесь лакомимся тварями, которых они так стараются защитить, – он обернулся к Серильде. – Мне нравится подобная ирония.

У нее защемило сердце, но все, что она могла – не показывать, какой отталкивающей кажется ей такая идея. Моховицы – не животные. Не звери, на которых можно охотиться. Они не должны служить *отделкой*.

– Особый же вид иронии, как я догадываюсь, – продолжал король, – состоит в том, чтобы дурачить других, не будучи при этом умнее и мудрее них.

Его тон резко изменился, стал суровым.

– У меня было время поразмыслить о нашей встрече. И я пришел к выводу, что ты считаешь меня глупцом.

Серильда округлила глаза:

– Что вы. Никогда!

– Ты была так убедительна с этой сказочкой про золото и благословение бога. И только после захода луны я подумал – зачем же человеческой девчонке, которая легко может замерзнуть, собирать в снегу солому своими жалкими голыми руками, даже не надев перчаток?

Король взял Серильду за руки, и сердце едва не выпрыгнуло у нее из груди. Его голос стал ледяным.

– Не знаю, что ты делала в ту ночь, но я не из тех, кто прощает насмешки.

Он сжал ее руки. Серильда с трудом удерживалась, чтобы не скулить от страха. Вздернув изящную бровь, Эрлкинг смотрел на нее, и она могла поклясться, что все это доставляет ему удовольствие. Смотреть, как она вертится, словно уж на сковороде. Добыча, которую он загнал в угол. На миг ей даже показалось, что он вот-вот улыбнется. Но его губы скривились не в улыбке, а в жестокой усмешке победителя.

– Но я справедлив. А потому – испытание. У тебя будет время, чтобы выполнить задание – закончишь за час до восхода солнца.

– Испытание? – прошептала она. – Какое испытание?

– Ничего такого, чего бы ты не могла, – отвечал он. – Если, конечно... ты не солгала.

Сердце Серильды оборвалось.

– А если солгала, – продолжал он, наклоняясь к ней, – значит, в ту ночь ты лишила меня законной добычи. Такого я не прощаю. И значит, *твоя* голова займет место на стене трофеев. Манфред, – обратился он к вознице, – у нее есть семья?

– Отец, кажется, – ответил тот.

– Хорошо. Его голову я тоже заберу. Люблю симметрию.

– Погодите! – взмолилась Серильда. – Мой господин, прошу вас. Я...

– Ради твоего блага и блага твоего отца, – перебил Эрлкинг, – очень надеюсь, что ты говорила правду, – он поднес ее руку к губам и поцеловал запястье. Прикосновение ледяных губ обожгло кожу. – А теперь прошу меня извинить. Нужно проследить за приготовлениями к охоте.

Он снова повернулся к кучеру.

– Отведи ее в темницу.

Глава 10

Не успела Серильда понять, о чем говорит король, как кучер схватил ее за локоть и потащил из зала.

– Подождите! Темница? – крикнула она. – Не мог он такого сказать!

– Почему же не мог? Его Мрачность не отличается добротой, – заявил призрак, не ослабляя хватку. Он протащил ее по узкому коридору, остановился перед дверью, за которой начиналась крутая винтовая лестница, и посмотрел на девушку. – Сама пойдешь или мне тебя тащить? Предупреждаю, ступеньки могут оказаться коварными.

Глубоко вздохнув, Серильда поглядела вниз, на ступени, уходящие в темноту. Голова у нее шла кругом от всего, что сказал Эрлкинг. Ее голова. Голова ее отца. Испытание. Темница. Покачнувшись, она упала бы, если бы призрак не придержал ее за локоть.

– Я пойду сама, – прошептала бедняжка.

– Очень убедительно, – буркнул призрак, но все же выпустил ее руку. Он взял один из факелов, висевших на стене, и стал спускаться.

Серильда посмотрела назад, в коридор. Она была уверена, что найдет путь назад, и вокруг никого не было. Может быть, это шанс, и удастся сбежать?

– Не забывай, кто владеет этим замком, – подал голос призрак. – Если сбежишь, он будет только рад устроить охоту.

Сглотнув, Серильда опять повернулась к двери. В животе тяжелым камнем лежал страх, но призрак продолжал спускаться, и она последовала за ним. Чтобы не оступиться и не потерять равновесия на крутых, узких ступенях, одной рукой она держалась за стену.

Вниз.

И еще, и снова вниз.

Должно быть, они уже глубоко под землей, где-то на уровне древнего фундамента замка. Возможно, даже ниже поверхности озера.

Они достигли самого нижнего уровня и прошли в открытые решетчатые ворота. Увидев ряд тяжелых, укрепленных железом деревянных дверей вдоль правой стены, Серильда вздрогнула.

Двери темниц. Серильда вытянула шею и, заглядывая в смотровые оконца, мельком увидела кандалы и цепи, свисающие с потолка, но не смогла рассмотреть, есть ли там узники. Она старалась не задумываться о том, не предстоит ли ей разделить их судьбу. Она не слышала ни стонов, ни плача, ни других звуков, которые должны были издавать замученные и голодные узники. Вероятно, камеры пустовали. Или узники давно были мертвы. Единственными пленниками Эрлкинга, о которых она слышала, были дети, которых он дарил когда-то Перхте, но их ведь не держали в темницах. О, и еще заблудившиеся путники, которых увлекла за собой Дикая Охота во время своих безумных вылазок – хотя их чаще оставляли умирать на обочине дороги, а не увозили в замок.

Она никогда не слышала, чтобы Эрлкинг держал людей взаперти в подземельях. Но, с другой стороны, возможно, никого не осталось в живых, чтобы поведать об этом.

– Ну-ка, прекрати, – одернула она себя шепотом. Кучер услышал и оглянулся.

– Извините, – пробормотала она. – Это я не вам.

Тут ее внимание привлекло маленькое создание, которое стрелой пронеслось вдоль коридора и скрылось в норке у самого пола. Крыса. Просто прекрасно.

А потом она почувствовала что-то необычное. В воздухе появился новый запах – сладковатый, знакомый и совершенно неожиданный в этом затхлом воздухе.

– Сюда.

Призрак указал на приоткрытую дверь. Серильда заколебалась. Вот оно... Она станет пленницей Эрлкинга, ее заточат в ужасной сырой темнице. Оставят одну. Она будет страдать от голода, сгинет здесь, уйдет в небытие. Или просидит тут до утра, а потом ей отрубят голову, сделают чучело и повесят в пиршественном зале. А вдруг, подумала Серильда, она станет привидением и будет бродить по холодным темным коридорам? Возможно, король этого и хочет – еще одну служанку для своей мертвой свиты.

Она посмотрела на призрака с долотом в глазу. Сможет ли она одолеть его? А что, если втолкнуть его в камеру и запереть дверь, а затем спрятаться где-нибудь, пока не подвернется шанс улизнуть?..

Призрак улыбнулся в ответ.

– Я уже мертв.

– Я и не думала вас убивать.

– Неисправимая лгунья.

Серильда наморщила нос.

– Входи же. Ты только зря теряешь время.

– Какие тут все нетерпеливые, – проворчала она, проскользнув мимо него. – Разве у тебя впереди не вечность?

– У меня да, – согласился тот. – А у тебя времени только до рассвета.

Серильда шагнула в дверь, готовясь услышать неизбежное: дверь захлопнется, лягнет засов... Она представляла себе пятна крови на стенах, кандалы на потолке, крыс, разбегающихся по углам.

Вместо этого она увидела... солому. Не аккуратный тюк, а просто куча – целый воз, не меньше. Вот что было источником сладковатого аромата, который она учуяла раньше. В нем было воспоминание об осени, о времени сбора урожая, когда все жители городка высыпали на поля. В дальнем углу стояла прялка, и громоздились кучи пустых деревянных катушек.

Ольховый Король притащил ее сюда, чтобы она спряла золото из соломы – потому что ее язык опять наплел нелепостей, сочинил историю, годную только чтобы смешить людей. Или чтобы отвлекать.

Король дал ей шанс показать, на что она способна. Шанс, которым она не сможет воспользоваться. Ее начинало терзать отчаяние, и тут дверь за спиной захлопнулась. Стремительно обернувшись, Серильда услышала, как со скрежетом задвинулся засов. В зарешеченном оконце появился здоровый глаз кучера.

– Если тебе хоть немного интересно, – задумчиво сказал призрак, – я искренне желаю тебе удачи.

И рывком опустил деревянную створку окошка, окончательно отрезав Серильду от мира. Глядя на дверь, она прислушивалась к удаляющимся шагам. Голова кружилась от того, как быстро и бесповоротно рухнула ее жизнь. Она уверяла отца, что все будет в порядке. Поцеловала его на прощание...

– Надо было задержать его тут подольше, – прошептала она, думая о призраке.

Она осмотрелась. Каморка была размером с две ее домашние кровати, если поставить их вплотную друг к другу. Чтобы дотянуться рукой до потолка, даже не нужно было вставать на цыпочки. Из-за прялки и катушек, сложенных у дальней стены, было еще теснее.

В углу возле двери стоял оловянный подсвечник – подальше от вороха соломы, чтобы не устроить пожара. Громадная тень от прялки и ее колеса плясала на каменной стене. Присмотревшись, на камне можно было увидеть следы долота, которым высекли это помещение – прямо в скале.

Как расточительно, подумала Серильда – целая свеча для нее одной, лишь бы только она справилась со своим невозможным заданием. Свечи были дорогими, их ценили и берегли, использовали лишь при крайней необходимости.

У нее заурчало в животе, и только теперь она вспомнила, что оставила в карете яблоко, приготовленное для нее отцом. С ее губ сорвался наполовину удивленный, наполовину испуганный смешок. Какие уж тут яблоки, если вскоре предстоит расстаться с жизнью!

Она внимательно осмотрела солому, подняла несколько стебельков. Солома была чистая, сухая, со сладковатым ароматом. Неужели, подумала Серильда, Эрлкинг приказал собрать ее в ту же ночь, при Голодной Луне – ведь она уверяла его, что солому, видевшую свет полной луны, пряхть легче. Солома, собранная недавно, была бы мокрой от снега...

Разумеется, король не поверил ее вранью, и оказался прав. То, о чем он просил, невозможно сделать. Она уж точно не может. Чародеи в сказках и не такие чудеса творили. Люди, которых на самом деле благословил Хульда... Те умели пряхть не только золото, но и серебро, и шелк, и даже нити из белоснежных жемчужин.

Но единственное благословение она получила от бога лжи, и проклятый язык погубил ее. Какой она была наивной дурочкой, решив, что сумела обмануть Эрлкинга и это сойдет ей с рук. Конечно, он раскусил ее и понял, что простая деревенская девица не могла обладать таким даром. Умей она превращать солому в золото, вряд ли ее отец до сих пор гнул бы спину на мельнице. В школе не протекала бы старая кровля, а разрушенный фонтан на площади Мерхенфельда давно починили бы. Если бы она могла превращать солому в золото, весь их городок жил бы в довольстве и благополучии.

Но такого дара у нее нет. И король это понял.

Рука сама взлетела к горлу, когда Серильда подумала о том, как он это делает – мечом? Топором? И вдруг пальцы нащупали тонкую цепочку на шее. Вытащив ее из-под воротника, Серильда открыла медальон и повернула к свету, чтобы увидеть портрет. Девочка смотрела на нее смеющимися глазами, будто ей не терпелось поделиться своим секретом.

– Попытка не пытка, верно? – шепнула Серильда.

Король дал времени до рассвета. Уже за полночь. Здесь, в недрах замка, единственный способ следить за временем – горящая в углу свеча. Воск тает равномерно. Слишком медленно. Слишком быстро. Неважно. Она не в том положении, чтобы сидеть сложа руки и упиваясь жалостью к себе.

– Если Хульда может это делать, то почему я не могу? – упрямо сказала она, схватив пригоршню соломы. К прялке она приблизилась опасно, словно к спящей виверне. Расстегнув дорожный плащ, аккуратно свернула его и положила в угол. Ногой подтащила к себе единственный стул и села.

Пучки соломы были жесткими, неподатливыми, концы стеблей царапали руки. Серильда смотрела на них, пытаясь представить себе пучки шерсти – вроде тех, которые бесчисленное количество раз продавала ей Матушка Вебер.

Солома совсем не была похожа на мягкую пушистую шерсть, к которой она привыкла, но Серильда вздохнула и вставила в рогульку пустую катушку. Она долго смотрела на горсть соломы. Обычно она начинала с нити основы, чтобы шерсть легче наматывалась на катушку, но ниток у нее не было. Пожав плечами, она привязала соломину. Первая сломалась, но вторую удалось закрепить. Что теперь? Вряд ли получится скрутить их концы вместе, чтобы получилась одна длинная прядь.

Или получится?

Она попыталась еще раз и еще.

Вроде бы... держится.

– Уже неплохо, – пробормотала она, пропуская нить основы через крючки, потом через ушко. Все держалось на честном слове, того и гляди рассыплется, если слишком туго натянуть эти почти не скрепленные пряди.

Боясь выпустить их из рук, Серильда изловчилась и носом подтолкнула одну из спиц колеса, чтобы оно постепенно начало вращаться.

– Поехали, – и она уперлась ногой в педаль.

Соломинка вырвалась из ее пальцев.

Хлипкая нить рассыпалась.

Серильда замолчала. Зарычала, кляня себя.

Потом попробовала еще раз.

На этот раз запустила колесо раньше.

Не вышло.

Тогда она попыталась связать несколько соломин концами.

– Пожалуйста, превратись, – шептала она, качая педаль ногой. Колесо завертелось, Солома начала наматываться на катушку. – В золото. Превратись в золото. Пожалуйста.

Но сухая солома оставалась сухой соломой, сколько бы раз не проскальзывала в ушко, как бы не наматывалась на катушку. Вскоре соломенные нити закончились, а то, что вроде бы так удачно намоталось, осыпалось, стоило снять катушку с рогульки.

– Ох, нет, только не это...

Серильда взяла новую катушку и начала все сначала.

Тянем, протягиваем соломинку.

Нога упирается в педаль.

– Пожалуйста, – снова повторила она, протягивая еще одну прядь. И еще одну. – Пожалуйста.

Но ее голос сорвался, и хлынули слезы. Слезы, о которых она даже не подозревала, только и ждали, чтобы выплеснуться, и устремились наружу, все разом. Она наклонилась вперед, сжимая в кулаках бесполезную солому, и заплакала навзрыд. Лишь одно слово осталось у нее на языке, но никто не мог его слышать, кроме стен, запертой двери и всего этого жуткого замка, полного ужасных призраков, демонов и монстров.

– *Пожалуйста.*

– Что ты делаешь с этой несчастной прялкой?

Серильда вскрикнула и свалилась со стула. Ударилась плечом о каменную стену и застонала. Откинула прилипшие к щекам волосы, подняла глаза.

На груди соломы, скрестив ноги, сидел некто и с легким любопытством смотрел на нее.

Это был мужчина.

Вернее... юноша. Примерно ее возраста, с медными волосами, которые в беспорядке падали на плечи, лицо было покрыто веснушками и грязью. На нем была простая льняная рубашка навывпуск, выглядевшая несколько старомодно из-за широких рукавов, и изумрудно-зеленые штаны в обтяжку. Ни обуви, ни колета, ни куртки, ни шапки. Наверное, он собирался лечь спать, хотя выглядел бодро.

Серильда посмотрела на него, на дверь, которая была все так же плотно закрыта.

– К-как ты сюда попал? – спросила она, поднимаясь.

Юноша наклонил голову и сказал, как будто в этом не было ничего удивительного:

– По волшебству.

Глава 11

Серильда вытаращила глаза.

– Я невероятно силен, – добавил он и тоже уставился на нее.

Не понимая, что это значит, Серильда наморщила лоб.

– Это правда?

Юноша улыбнулся. Это была особая улыбка, такая, за которой скрывают секреты – кривоватая, насмешливая, от нее в глазах появляются золотые искорки. Встав, он стряхнул солому, прилипшую к штанине, и оглядел прялку, тесную каморку, зарешеченное оконце в двери.

– Не самое приятное место. Нужно больше света. Да и воняет тут... А это что, твоя постель? – он поворошил ногой солому.

– Мы в темнице, – подсказала Серильда.

Юноша покосился на нее. То, что они в темнице, было *очевидно*. Серильда покраснела.

– В замке Адальхейд.

– Никогда еще меня не призывали в темницу. Если честно, я бы предпочел что-нибудь другое.

– Призывали?

– Ну да. Ты же ведьма, разве нет?

Серильда уставилась на него, раздумывая, не обидеться ли. Но в устах незнакомца это слово не казалось оскорблением.

– Нет, я не ведьма. И не призывала тебя. Я просто сидела здесь, плакала и думала о смерти. Извини, пожалуйста.

Брови юноши удивленно поднялись.

– Похоже на то, что сказала бы ведьма.

Фыркнув, Серильда потерла глаза ладонью. Ночь выдалась долгая, полная событий и неожиданностей, ужаса и неопределенности, а теперь ее жизни грозила опасность. От усталости голова была как в тумане.

– Даже не знаю. Может, я тебя и призвала, – неуверенно предположила она. – Из всего, что случилось сегодня, это было бы не самое странное. Но если я это сделала, прими мои извинения. Я не нарочно.

Он сел, чтобы оказаться с Серильдой на одном уровне, и испытующе заглянул ей в глаза. Мгновение спустя с его лица исчезла тень, он снова расплылся в широкой насмешливой улыбке.

– Неужели все смертные так же легковверны, как ты?

Она нахмурилась.

– Что, прости?

– Я же просто пошутил. Ты меня не призывала. А ты и впрямь решила, что смогла бы? – Он щелкнул языком. – Точно, поверила. Я ясно вижу. Ты, видно, высокого о себе мнения, а?

Серильда хотела ответить, но растерялась из-за такой быстрой смены его настроения.

– Ты надо мной подшучиваешь, – буркнула она, наконец, вставая. – Мне жить осталось считанные часы, а ты явился надо мной поиздеваться.

– Ох, не смотри на меня так, – сказал парень. – Я лишь чуть-чуть посмеялся. Ты, мне кажется, тоже любишь смех.

– Разве я смеюсь? – Серильда внезапно рассердилась, а может, и смутилась тоже.

– Нет, – признал ее собеседник. – Но могла бы, мне кажется, если бы не была заперта в подземелье и тебя, как ты и сказала, не ждала бы утром смерть.

Он провел рукой по соломе. Взял одну соломинку и вопросительно посмотрел на Серильду. На этот раз он смотрел очень внимательно. От него не укрылось ни простенькое

платье, ни заляпанные грязью башмаки, ни темно-каштановые косы до пояса. Девушка была готова разреветься – нос красный, на щеках пятна. Но не это привлекло внимание гостя – в этом Серильда была уверена, – а золотые колеса в ее глазах.

Раньше, встречая незнакомого юношу в городе или на рынке, Серильда старалась избежать его внимания. Отворачивалась, опускала ресницы, лишь бы не встретиться с ним взглядом. Ей хотелось растянуть миг между тем, когда парень задумывался, а не приударить ли за ней, и гадал, свободно ли ее сердце... и тем, когда, прочитав в ее глазах правду, вздрагивал и сливался с толпой, стараясь скорее позабыть о своем мимолетном интересе.

Но этот юнец Серильду ничуть не интересовал, ее не заботило, что он о ней подумает. Она была в отчаянии, а он отнесся к этому, как к игре, – значит, он так же жесток, как и король, заточивший ее сюда. Она шмыгнула носом, вытерла его рукавом и гордо выпрямилась под пристальным взглядом странного гостя.

– Я начинаю думать, что ошибся, – сказал он. – Может, ты действительно ведьма.

Она приподняла бровь.

– Можем проверить. Превратить тебя в жабу или в кошку?

– Давай! В жабу, это мне подходит, – моментально ответил он. – Кошек никто особо не замечает. Но жаба? Она могла бы причинить массу неприятностей на ближайшем пиру, – юноша склонил голову к плечу. – Но нет. Ты все-таки не ведьма.

– Ты что, много ведьм встречал?

– Просто не представляю, чтобы у ведьмы был такой жалкий и беспомощный вид.

– Я не жалкая, – сквозь зубы процедила Серильда. – И не беспомощная. Да кто ты вообще такой? Если я тебя не вызывала, почему ты здесь?

– Мой долг знать обо всем заслуживающем внимания, что происходит в этом замке. Поздравляю. Я счел тебя достойной.

Юноша махнул соломинкой в ее сторону, будто посвящал ее в рыцари.

– Я польщена, – невозмутимо сказала Серильда.

Юноша со смехом поднял руки в знак примирения.

– Ладно, ладно. Ты не жалкая и не беспомощная. Видимо, я просто неверно истолковал все эти всхлипы и стоны, и так далее, и тому подобное. Прости, – его слова звучали слишком легкомысленно и весело, чтобы походить на настоящие извинения, но Серильда почувствовала, что ее гнев остывает. – Итак. Эрллинг притащил в замок смертную и посадил в темницу. Охалка соломы, прялка. Нетрудно догадаться, чего он хочет.

– Конечно. Он хочет несколько соломенных корзин, чтобы хранить клубки, которые спрядет эта прялка. Думаю, он хочет научиться вязать.

– Увлечение ему не помешало бы, – заметил юноша. – Любой устанет, если столько веков подряд только похищать людей и истреблять волшебных существ.

Серильда невольно улыбнулись. Почти улыбнулась. Юноша это заметил, и его улыбка стала еще шире. И Серильда увидела, что один его клык немного острее другого.

– Он пожелал, чтобы ты спряла из этой соломы золотую пряжу.

Серильда вздохнула, ее минутная веселость исчезла.

– Да, пожелал.

– Почему он решил, что ты можешь это сделать?

Помявшись, Серильда все же ответила:

– Я сама сказала ему, что могу.

На этот раз юноша удивился совершенно искренне.

– А ты можешь?

– Нет. Это просто история, которую я придумала, чтобы... Сложно объяснить.

– Ты наврала Ольховому Королю?

Серильда кивнула.

– Прямо в глаза?

Серильда кивнула еще раз, и была вознаграждена чем-то большим, чем просто любопытство. Пусть всего на миг, но ей удалось поразить этого юношу.

– Но он мне не очень-то верит, – прибавила Серильда. – Сначала вроде поверил, а теперь нет. А это – испытание. Если я его не пройду, он убьет меня.

– Об этом я слышал. Там, наверху, столько сплетников. Честно говоря, я думал, что, когда спущусь, увижу, как ты заливаешься слезами и упиваешься жалостью к себе. Впрочем, так все и было.

– Никакой жалостью я не упивалась!

– У тебя свое мнение, а у меня свое. Интереснее другое – что ты... *пробовала*, – он показал на прялку и катушку, облепленную связанными и переломанными соломинами. – Такого я не ожидал. По крайней мере, от девушки, в которой нет ничего от ведьмы.

Серильда закатила глаза.

– Так у меня ничего и не вышло. Я не златопряха. И не умею делать такое, – тут ей в голову пришла мысль. – Но... в тебе-то есть магия. Ты же как-то сумел сюда проникнуть. Сможешь вытащить меня отсюда?

Но Серильда понимала – это ее не спасет. Если она убежит, Эрлинг снова явится за ней и уж тогда точно приведет свои угрозы в исполнение. И несдобровать не только ей, но и отцу, и всему Мерхенфельду. Может ли она пойти на такой риск?

Однако, судя по тому, как юноша скрестил руки на груди и покачал головой, казалось, что и этой возможности у Серильды нет.

– Я сказал, что невероятно силен, но я не чудотворец. Сам я могу пройти в замке куда угодно, но тебя мне нипочем не протащить сквозь запертую дверь. А ключа, чтобы ее открыть, у меня тоже нет.

Плечи Серильды поникли.

– Не спеши отчаиваться, – сказал парнишка. – Ты ведь еще не умерла. А значит, у тебя есть явное преимущество перед всеми остальными в замке.

– Мне кажется, это слабое утешение.

– Я к твоим услугам.

– Что-то я в этом сомневаюсь.

В его глазах заплясали искорки, но неожиданно взгляд снова стал серьезным. Он надолго замолчал, будто обдумывал что-то, потом взглянул на нее пронзительно и хитро.

– Ладно, – сказал он медленно, как будто что-то придумал. – Твоя взяла. Я тебе помогу. Сердце Серильды подскочило, наполняясь безудержной надеждой.

– В обмен, – продолжал он, – на это.

Он ткнул в нее указательным пальцем. Широкий рукав соскользнул к локтю и обнажил запястье, покрытое жуткими рубцами.

Лишившись дара речи, Серильда уставилась на протянутую руку.

Она указывала... на ее сердце.

Серильда попятилась, прижав ладонь к груди, где билось ее живое сердце. Ее охватил такой ужас, как будто странный юноша и впрямь мог впиться в ее кожу и вырвать трепещущее сердце. Он не был похож на одного из Темных с их величественными фигурами и безупречной красотой, но и призрака не напоминал. Он выглядел вполне безобидным, но Серильда не могла себе доверять. Ничему и никому она не могла доверять в этом замке.

Юноша, сбитый с толку, нахмурился. И вдруг, догадавшись, опустил руку и закатил глаза.

– Да я не про твое сердце, – сказал он раздраженно. – А про медальон.

Ах, это.

Нащупав все еще открытый медальон, она сжала его в кулаке.

– Тебе он вряд ли будет к лицу.

– Совершенно не согласен. Кроме того, *она* кажется мне смутно знакомой, – заявил он.

– Кто?

– Девочка в... – помрачнев, он смолк на полуслове. – Похоже, ты пытаешься меня разозлить, но учти, дразнить и доводить – это *мой* талант.

– Я просто не понимаю, зачем тебе медальон. Там же нарисован просто ребенок, а не какая-то писаная красавица.

– Сам вижу. Но кто она? Ты ее знаешь?

Серильда прищурилась, повернула медальон к огоньку свечи.

– Ты же только что сам сказал, что знаешь ее.

– Я не говорил, что *знаю*. Но в ней есть что-то знакомое. Что-то... – он пытался подобрать нужные слова, но только раздраженно зарычал. – Ты все равно не поймешь.

– Так говорят люди, которым лень объяснять.

– И точно так же говорят, если в самом деле ничего не понимают.

Она пожала плечами.

– Прекрасно. Эта девочка – принцесса. Несомненно, – слова сами сорвались у Серильды с языка. Нужно скорее все исправить, признаться, что она понятия не имеет, чей это портрет. Хотя... какая разница? Может, эта девочка и правда принцесса. Очень даже похожа. – Но, боюсь, судьба у нее была печальная.

Высказавшись вот так, довольно расплывчато, она решительно защелкнула медальон.

– Что ж, значит, это не твоя семейная реликвия, – сказал ее собеседник.

Серильда ощетижилась.

– Разве во мне не может быть королевской крови, какого-то дальнего родства?

– Это так же вероятно, как то, что я – сын герцога, согласна? – и в подтверждение он провел рукой по своей одежде – почти лохмотьям. – А если это не семейная реликвия, вряд ли эта безделушка так уж тебе дорога. Не дороже собственной жизни, ведь так? Я предлагаю тебе выгодную сделку. Свою помощь за яблоко и яйцо.

– Медальон подороже яблока, пожалуй, – пробормотала она. Но ее сердце замерло. Она поняла, что дерзкий мальчишка уже выиграл спор.

Видимо, он тоже догадался. На его губах появилась довольная улыбка.

– Так что, нужна тебе помощь или нет? – спросил он, покачиваясь на пятках.

Серильда взглянула на медальон, провела кончиком пальца по золотой застежке. Расставаться с этой вещицей было трудно, почти невыносимо, но она знала, что это глупо. Судя по его уверенному виду, парнишка и правда может ей помочь. Непонятно, что именно он готов сделать, но видно, что он может колдовать. И вообще, у нее не так уж много вариантов. Его появление здесь – уже чудо, вряд ли стоит ждать другого.

Нахмурившись, Серильда сняла цепочку с шеи и протянула ее юноше в надежде, что он не посмеется над ее доверчивостью снова. Ведь это так просто: схватить медальон, расхохотаться и исчезнуть так же, как появился.

Но он этого не сделал.

Наоборот, он принял из ее рук цепочку бережно, даже с почтением. И в этот самый миг воздух вокруг них задрожал. У Серильды заложило уши, стало трудно дышать.

Магия.

Это продолжалось с минуту, а потом прошло.

Серильда сделала глубокий вдох, и ей показалось, что она вздохнула полной грудью в первый раз за всю ночь. Юноша надел цепочку на шею и решительно вздернул подбородок.

– Ну-ка отойди.

Пораженная его резкостью, Серильда вскинула голову.

– Что, прошу прощения?

– Ты мешаешь, – сказал он, указывая на прялку. – Мне нужно место для работы.

– Неужели нельзя попросить вежливо?

Он посмотрел на нее с такой откровенной досадой, что Серильде даже стало интересно, кто из них двоих раздражен больше.

– Я же тебе помогаю.

– И я заплатила тебе за эту честь, – ответила Серильда, кивнув на медальон. – Не думаю, что капля вежливости все испортит.

Он открыл было рот, но заколебался, сдвинув брови.

– Хочешь, чтобы я вернул финтифлюшку и бросил тебя здесь на произвол судьбы?

– Конечно, нет. Но ты до сих пор не сказал, как именно собираешься помочь.

Юноша вздохнул, шумно и очень выразительно.

– Воля твоя. В конце концов, к чему все это, если кое-кому трудно посторониться?

Он шагнул к ней, и продолжал наступать, словно собирался сбить ее с ног, как запряженный в тележку упрямый мул. Скрипнув зубами, Серильда постаралась врасти в пол.

Она не двинулась с места.

Он не остановился. И налетел на нее – подбородком ударил в лоб, а грудью толкнул и отбросил в сторону с такой силой, что она отлетела и с изумленным «Ах!» упала на солому.

– Что ты творишь?! – вскрикнула она, борясь с желанием потереть больное место пониже спины – солома почти не смягчила падение.

Морщась от боли, она уставилась на него, рассерженная и сбита с толку. Если он решил, что она позволит себя запугать... Но что-то в выражении его лица заставило ее остановиться. Юноша смотрел на нее как-то странно – не так, как раньше. Он даже рот открыл. В глазах плескалось недоумение, а одной рукой он потирал плечо в том месте, которым стукнулся о стену, отлетев после их столкновения.

– Ну? – воинственно выкрикнула Серильда, поднимаясь на ноги и отряхивая юбку от прилипшей соломы. – Зачем ты это сделал?

Подбоченившись, она ждала ответа.

В следующее мгновение он снова подошел к ней, но уже совсем не так уверенно. На лице его было не раскаяние, как следовало бы, а любопытство. Почему-то из-за того, как он ее разглядывал, гнев Серильды утих. Ей захотелось попятиться, хотя было совершенно некуда. И вообще, раз до сих пор не отступила, теперь и подавно не станет. И она гордо подняла голову, вложив в это движение весь запас своего упрямства.

Но извинений не последовало. Оказавшись от нее на расстоянии шага, юноша протянул к ней руки. Его пальцы, бледные и шершавые от мозолей, дрожали.

Серильда следила, как его руки приближаются к ней, к ее плечам. Осторожно, дюйм за дюймом.

– Что ты делаешь?

Вместо ответа он тихонько, одними пальцами дотронулся до ее плеч. Поначалу прикосновение было очень нежным, едва заметным, потом, будто решившись, он позволил своим ладоням опуститься, осторожно прижимаясь к тонким рукавам ее платья. В этом не было ничего страшного, но сердце Серильды забилось быстрее.

Нет – это был не страх.

Нервы.

Юноша резко выдохнул, заставив ее снова взглянуть ему в лицо.

О, злые боги, как он смотрел на нее. На Серильду никогда и никто раньше так не смотрел. Она не знала, как реагировать. Волнение. Пыл. Изумление.

Сейчас он ее поцелует.

Подождите-ка.

Как это?

Никто раньше не хотел ее поцеловать. Может, и было разок с Томасом Линдбеком, но... продолжалось это недолго и закончилось крахом.

Она невезучая. Странная. Проклятая.

И... и вообще. Она не хочет, чтобы он ее целовал. Она его не знает. И он ей определенно *не нравится*.

Она даже не знает его имени.

Так почему она только что облизнула губы?

Это привлекло внимание юноши, он вдруг как будто очнулся – его глаза прояснились. Он отдернул руки и отступил так далеко, что еще чуть-чуть и врезался бы в стену.

– Мне очень жаль, – сказал он хрипло.

Серильда не могла понять, за что он извиняется. Руки он заложил за спину, будто боялся, что, если за ними не следить, они сами потянутся к ней.

– Все в порядке, – выдохнула она.

– Ты действительно живая, – он сказал это так, как будто не был в этом до конца уверен.

– Ну... да. Мне казалось, это не секрет – учитывая, что Эрлинг собирается убить меня на рассвете, и все такое.

– Нет. Да. То есть, я, конечно, знал это. Но... – он потер ладонями рубашку, словно проверяя собственную осязаемость. С силой тряхнул головой. – Видимо, я не совсем понял, что все это значит. Давно не встречал настоящих смертных. Не ожидал, что ты окажешься такой... такой...

Она ждала, не в силах угадать, какое слово он ищет. Пока, наконец, он сам не сказал:

– Такой теплой.

Брови Серильды взлетели еще выше, щеки запылали. Она постаралась не обращать на это внимания.

– Сколько же времени прошло с тех пор, как ты встречал кого-то, кто не был бы призраком?

Его рот скривился.

– Точно не скажу. Несколько веков, наверное.

Серильда изумленно переспросила:

– Веков?

Он выдержал ее взгляд и вздохнул.

– Вообще-то, нет. По правде говоря, я даже не уверен, что вообще когда-либо встречал живую девушку. – Он замолчал и с отсутствующим видом прочистил горло. – Я легко прохожу сквозь призраков, когда захочу. Вот и решил, что то же самое будет с... да с любимым. Не то чтобы я часто такое проделывал... Это вроде как невежливо, верно? Проходить через кого-то насквозь. Я стараюсь вообще к ним не прикасаться. Дело не в том, что я... не люблю других призраков. Как ни странно, некоторые могут прекрасно составить компанию. Но... дотрагиваться до них... может быть...

– Неприятно? – подсказала Серильда, вздрогнув при воспоминании о холодной коже женщины.

Юноша усмехнулся:

– Да. Точно.

– Ты, похоже, не испытывал угрызений совести, когда решил пройти сквозь меня.

– Но ты же не отошла!

– Я бы отошла. Нужно было только сказать: «пожалуйста». Раз уж вежливость для тебя имеет такое значение, это могло стать хорошим началом.

Юноша пренебрежительно фыркнул, хотя было видно, как он взволнован. Вид у него был слегка ошарашенный.

– Отлично, отлично, – протянул он рассеянно. – Я запомню это на следующий раз, когда буду спасать твою жизнь. – Он взглянул на свечу в углу. – Пора начинать. Времени у нас мало.

И он снова встретился с Серильдой глазами. Она не отвела взгляд, чем еще больше сбила его с толку. Помолчав, он кивнул, как будто принял какое-то решение.

– Ну, хорошо, тогда так, – он снова протянул руку, решительно и твердо схватил Серильду за запястье и оттащил ее в сторону на пару шагов. Пискнув, она едва не потеряла равновесие, но тут он ее отпустил.

– Что ты...

– Я уже объяснил, – перебил он. – Ты стояла у меня на пути. Пожалуйста и спасибо.

– Эти слова работают не так!

Он пожал плечами, но Серильда заметила, как он, уставившись на прялку, сжал кулаки. Если бы она рассказывала об этом историю, обязательно упомянула бы, что в этом почти незаметном жесте был глубокий смысл. Он словно пытался продлить ощущение, сохранить память о прикосновении к ее плечам.

Напомнив себе, что это не одна из ее сказок, Серильда тряхнула головой. Как бы невероятно это ни звучало, она действительно оказалась в ловушке, в темнице Ольхового Короля и получила невыполнимое задание. И прямо сейчас этот юноша придвигает к себе табурет и усаживается за прялку.

Не веря своим глазам, Серильда смотрела то на него, то на прялку, то на груды соломы у своих ног.

– Ты же это не всерьез?..

– А как же, по-твоему, я собрался тебе помочь? – он подхватил горсть соломы, лежащей у его ног. – Я ведь уже объяснил, что не сумею помочь тебе сбежать. Так что остается нам с тобой... – он испустил тяжелый вздох, полный ужаса, – ...превратить эту солому в золото.

Глава 12

Он нажал ногой на педаль. Колесо закрутилось, завертелось, наполняя камеру тихим ровным гудением. В точности, как делала раньше Серильда, он намотал несколько соломенных стебельков на катушку. Вот только у него они не рассыпались, а остались на месте. Затем он начал продевать солому сквозь ушко, потихоньку, полегоньку. Колесо повернулось.

И Серильда ахнула.

Солома больше не была тусклой и грубой, не топорщилась во все стороны. Выходя из ушка и наматываясь на катушку, в мгновение, которое невозможно уловить глазом, солома превращалась в податливую и блестящую золотую нить.

Руки юноши двигались уверенно и проворно. Вскоре в ход пошла вторая пригоршня соломы. Его нога двигалась ритмично. Глаза не отрывались от нити, но взгляд был спокойным, как будто он тысячу раз такое делал. Серильда, открыв рот, смотрела, как катушка наполняется нежной, переливающейся пряжей.

Золото.

Возможно ли это?

Внезапно юноша остановился.

Серильда разочарованно взглянула на него:

– Почему ты остановился?

– Просто подумал: ты так и будешь стоять тут всю ночь и глазеть на меня?

– Если ты предлагаешь мне вместо этого вздремнуть, так я с радостью.

– А может, ты не отказалась бы... помочь?

– Как?

Он потер висок, как будто от ее присутствия у него разболелась голова. Затем, плавно взмахнув рукой в ее сторону, не сказал, а продекламировал, явно издеваясь:

– Молю, о прекрасная дама, не будете ли вы столь любезны, *пожалуйста*, помочь мне с самым утомительным и кропотливым делом, собирая солому и размещая ее в пределах моей досягаемости, чтобы приблизить успешное завершение дела... И чтобы тебе на рассвете не отрубили голову.

Серильда поджала губы. Он смеется над ней, но... на этот раз он сказал «пожалуйста».

– С удовольствием, – буркнула она.

Он что-то пробормотал в ответ, но она не разобрала.

Серильда наклонилась и принялась обеими руками придвигать солому из груды поближе к нему. Вскоре у них выработался общий ритм. Серильда собирала солому и протягивала ему большими пучками, которые он, горсть за горстью, плавно пропускал сквозь ушко. Когда катушка заполнялась, он приостанавливал прядку ровно настолько, чтобы зарядить следующую. Эрлкинг, или, что более вероятно, кто-то из служившей у него нежити, приготовили много катушек, чтобы испытать таланты Серильды.

Странно, подумала она, ведь король явно не верил, что у нее получится.

Но, может, он все-таки верит в людей?

При этой мысли она захихикала, и юноша с подозрением взглянул на нее.

– Кстати, как тебя зовут? – спросила она. Ей это было неважно – простое проявление вежливости, – но нога ее спасителя немедленно перестала жать на педаль.

– Зачем тебе мое имя?

Набрав очередную охапку, она подняла глаза. Юноша недоверчиво смотрел на нее, зажав в руке солому. Колесо вращалось все медленнее.

Она недоуменно нахмурилась.

– Что странного в том, чтобы спросить у человека его имя? – И совершенно искренне добавила: – Должна же я знать, как называть тебя, когда буду рассказывать дома о своем опасном путешествии в замок Эрлкинга и о благородном незнакомце, пришедшем мне на помощь.

Подозрительность исчезла из его глаз, на лице расцвела горделивая усмешка.

– Благородном?

– Если не считать того, что ты отказался помочь даром, и пришлось мне расстаться с медальоном.

Он дернул плечом.

– Я тут ни при чем. Видишь ли, магия без оплаты не работает. К слову, – он снял с рогульки полную катушку и заменил ее пустой, – Адальхейд не его замок.

– Я знаю, – отозвалась Серильда. Хотя она не знала этого точно. И было очевидно, что Эрлкинг и Адальхейд считал своим замком.

Юноша – он был напряжен, как будто одеревенел весь, – снова нажал на педаль.

– А меня зовут Серильда, – сказала она, недовольная тем, что он не ответил на ее вопрос. – Приятно познакомиться.

Подозрительно скосив на нее глаза, он неохотно отозвался.

– Можешь называть меня Златом.

– Злат? Никогда не слышала такого имени. Это сокращение от чего-то?

В ответ раздалось тихое ворчание.

Ей хотелось расспросить его, узнать о девочке на портрете, которая показалась ему знакомой – и о том, почему он сказал, что ей этого не понять. Но что-то подсказывало, что она только сильнее его разозлит. А ведь она даже не знала, отчего у него вдруг так испортилось настроение.

– Извини, что я пытаюсь поддержать разговор. Вижу, это не самое твое любимое занятие.

Серильда хотела подбросить новую охапку к его ногам, но Злат удивил ее, взяв солому прямо у нее из рук. Коснулся ее пальцев своими. Легчайшее касание, почти незаметное, словно дуновение ветерка – и вот он уже снова занят работой.

Почти незаметное.

Если бы не казалось преднамеренным.

И если бы от него у Серильды в душе все не вспыхнуло.

И если бы Злат не смотрел на веретено с таким сосредоточенным видом, старательно избегая смотреть в ее сторону.

– Я не против разговоров, – сквозь жужжание колеса его голос был еле слышен. – Но, видно, успел от них отвыкнуть.

Отвернувшись, Серильда посмотрела, далеко ли они продвинулись. Время, казалось, едва тянулось, но она была приятно удивлена, обнаружив, что треть работы уже сделана и рядом с соломой появляется все больше катушек с золотой пряжей. Что ни говори, Злат хорошо знал свое дело. Матушка Вебер полюбила бы его за одно это.

Подняв одну катушку, Серильда стала разглядывать золотую пряжу. Она была толстой, как настоящая нить, и при этом твердой и гибкой, словно цепочка. Интересно, подумала Серильда, сколько может стоять одна такая катушка. Наверное, больше, чем ее отец зарабатывает на мельнице за целое лето.

– Обязательно было говорить про солому? – нарушил молчание Злат. Качая головой, он подхватил следующую пригоршню ломких стеблей. – Не могла сказать, что можешь прясть золото из шелка или хотя бы из шерсти?

И он показал Серильде ладони, все в царапинах от неподатливых соломин.

Она виновато улыбнулась.

– Я тогда не предвидела все последствия.

Он хмуро хмыкнул.

– Хочешь сказать, что смог бы превратить в золото что угодно? – спросила она.

– Что угодно, если это вообще можно пряхсть. Мой любимый материал для такой работы – мех дагута.

– Дагут? А кто такие дагуты?

– Похожи на горных коз, – сказал он. – Только ноги у них с одной стороны короче, чем с другой. Удобно карабкаться по отвесным скалам. Но плохо, что с такими ногами они могут ходить вокруг горы только в одну сторону.

Серильда уставилась на него. Говорит вроде бы серьезно, но...

Это было ужасно похоже на то, что так часто выдумывала она сама. Нет, скорее уж она поверит в татцельвурма. Конечно, если вспомнить, каких только существ она не видела на стенах у Эрлкинга, трудно быть в чем-нибудь уверенной...

И все-таки.

Дагут?

У нее вырвался смешок.

– Я поняла, ты меня дразнишь.

Его глаза блеснули, но он ничего не ответил.

И вдруг Серильда выпрямилась, охваченная внезапным порывом вдохновения.

– А хочешь послушать историю?

Предложение застало его врасплох.

– Вроде сказки?

– Точно. Я очень люблю слушать истории, когда работаю. Ну... вообще-то, я чаще их рассказываю. Время бежит незаметно, не успеешь глазом моргнуть – а уже все сделано. А ты в это время как будто переносишься куда-то, в чудесные, прекрасные, восхитительные места.

Злат не сказал нет, однако по его лицу было видно, что предложение кажется ему странным. Однако Серильде не требовалось особого приглашения, чтобы начать. Не отрываясь от работы, она помолчала, чтобы обдумать сюжет и позволить первым нитям будущего рассказа закрутиться в ее воображении.

А затем она начала рассказ.

* * *

Всем давно известно, что когда в полнолуние проносится Дикая Охота, она часто увлекает заблудившихся путников в свой разрушительный вихрь. Обычно этих несчастных больше никто не видит живыми. Пьяницы теряются, возвращаясь из таверны домой. Моряки, чьи корабли стоят в порту, исчезают незаметно для остальной команды. Говорят, тот, кто осмелится в колдовской час выйти на лунный свет, на следующее утро может оказаться в чистом поле – одинокий, дрожащий, весь в крови пойманной добычи. Но самое главное, такие люди ничего не помнят. Так действует манящий зов Охоты. Правда, некоторых людей, и мужчин, и женщин самих так и тянет стать дикими, злобными и жестокими. Их привлекают подобные забавы, в их жилах слышится хриплый голос жажды крови. Бывали времена, когда считалось удачей на одну ночь попасть на Дикую Охоту – если, конечно, удавалось дожить до восхода солнца, не потеряться в ночи, не стать одним из призраков, обреченных на вечное рабство при дворе Эрлкинга.

Но даже те, для кого присоединиться к Охоте было особой темной честью, знали, что есть те, кому нечего делать среди упырей и адских гончих.

Речь о невинных детях.

И все же каждые десять лет Охота искала именно такую дичь. Ибо Ольховый Король поклялся приносить новое дитя своей возлюбленной, жестокой охотнице Перхте, как только

ей наскучит предыдущий подарок. А случилось это, когда ребенок, по ее мнению, становился слишком взрослым.

Поначалу Эрлкинг подбирал младенцев, случайно потерявшихся в Ясеновом лесу. Но со временем он стал искать для своей любимой не просто ребенка, а лучшего. самого красивого. самого умного. самого забавного.

И вот, до Эрлкинга дошли слухи о юной принцессе, которая была самым красивым ребенком на свете. У нее были золотые упругие кудри и смеющиеся небесно-голубые глаза, и все, кто встречал ее, были очарованы. Услышав о принцессе, Эрлкинг решил заполучить ее для своей возлюбленной.

В морозную ночь Голодной Луны Эрлкинг со своей свитой примчался к воротам замка и колдовскими уловками выманил ребенка из постели. Девочка, как во сне, брела по коридорам, освещенным свечами, спустилась по ступеням замка и перешла подъемный мост. Там ее уже поджидала Дикая Охота. Эрлкинг посадил ее на свою лошадь и увез в лес.

Он пригласил Перхту на свидание на лесной поляне, чтобы вручить ей подарок. Увидев дитя, ясноглазую и румяную девочку под полной луной, охотница сразу же влюбилась и поклялась любить ее так, как только может любить и заботиться мать о своей обожаемой дочке.

Но в ту ночь Перхта и Эрлкинг были в лесу не одни.

Принц – родной брат похищенной малютки – тоже проснулся. Его разбудило странное нехорошее предчувствие. Обнаружив, что кровать сестры пуста, а все ее слуги заколдованы и спят беспробудным сном, он бросился на конюшню. Схватив охотничье оружие, он вскочил на коня и бесстрашно помчался в лес один, на жуткий вой адских гончих. Никогда еще принц не скакал так быстро, его конь почти летел по тропе, вьющейся между деревьями. Он знал: если сестренка попадет в замок Эрлкинга прежде, чем взойдет солнце, она никогда не сможет вернуться из-за завесы, разделяющей миры. Она останется по ту сторону и будет потеряна навсегда.

Мальчик был уже близко. Над ветвями деревьев на фоне яркого зимнего неба виднелись башни Грейвенстоуна. Он доскакал до поляны, за которой начинался ров. Подъемный мост был опущен. Перхта, верхом на своей лошади, подвезжала к воротам замка. Перед ней в седле сидела принцесса.

Принц понял, что ему не успеть.

Поэтому он взял свой лук. Вложил в него стрелу. И взмолился богам – любому, который услышит, – чтобы стрела попала в цель.

Стрела взлетела над рвом, словно направляемая рукой Тирра, бога войны и лучников. Она вонзилась Перхте в спину и пронзила ее сердце.

Перхта соскользнула на землю.

Эрлкинг спрыгнул со своего коня и едва успел подхватить ее на руки.

Когда звезды в глазах его возлюбленной начали тускнеть, он поднял голову и увидел принца, который мчался к его замку, отчаянно пытаясь добраться до сестры.

Эрлкинг пришел в ярость.

Тогда-то и сделал он свой выбор. Тот, последствия которого преследуют его по сей день.

Никто не знает, мог ли он спасти жизнь любимой охотнице. Можно было бы перенести ее в замок... Говорят, Темным известно бесчисленное множество способов привязать жизнь к завесе, чтобы удержат ее, не позволить ускользнуть в Ферлорен. Возможно, ему удалось бы оставить Перхту себе.

Но Эрлкинг выбрал другое.

Оставив Перхту умирать на мосту, Эрлкинг бросился к ее лошади и стащил принцессу с седла. Выхватив из колчана стрелу с золотым наконечником, он крепко сжал ее в кулаке и занес над ребенком – важнее всего ему казалось жестоко отомстить принцу, посмевавшему сразить великую охотницу.

Увидев, что собирается сделать Эрлинг, принц бросился к нему бегом, надеясь успеть. Но ему помешали адские псы. Их клыки. Их когти. Их горящие глаза. Они окружили принца и хватали, и кусали, и рвали его плоть. Он закричал. Очнувшись, принцесса выкрикнула имя брата и потянулась к нему, вырываясь из рук короля.

Но было слишком поздно. Небо вспыхнуло первыми лучами утреннего света, как раз когда король вонзил стрелу ей в сердце.

Глава 13

Серильда не могла бы сказать наверняка, сколько времени прошло. Сколько времени она вот так сидела, подпирая спиной холодную стену камеры, закрыв глаза и погрузившись в историю, которую видела перед собой. Но рассказ подошел к концу, и тогда она глубоко вздохнула и медленно разлепила веки.

Злат по-прежнему сидел на табурете в дальнем конце камеры и во все глаза смотрел на нее. Он был в ужасе.

Серильда застыла.

– Что? Почему ты так на меня смотришь?

Он потряс головой.

– Ты говорила, что истории могут быть чудесными и прекрасными, и... и восхитительными. Ты употребила именно эти слова. Но твоя история была... – он долго подбирал нужное слово и, наконец, выбрал, – ужасной!

– Ужасной? Да что ты себе позволяешь! – возмутилась она.

– Что я себе позволяю? – он вскочил. – У сказки должен быть счастливый конец! Принц должен был спасти принцессу. Убить Эрлкинга *вместе* с охотницей, а потом вернуться домой, вместе с сестрой, к любящей семье, и вся страна праздновала бы их возвращение. Они должны были быть счастливы! Что за... за бред, в котором король зарезал сестренку, а принца загрызли гончие... Я не так уж много сказок помню, но эта совершенно точно худшая из всех.

Пытаясь справиться с гневом, Серильда поднялась и сложила на груди руки.

– Выходит, эта история заставила тебя что-то почувствовать?

– Конечно, она заставила меня что-то почувствовать! И это было ужасно!

На лице Серильды появилась радостная улыбка.

– А! Но ведь лучше *ужасно*, чем *безразлично*. Не у всякой истории бывает счастливый конец. Как и в жизни, ты же знаешь.

– Поэтому мы и слушаем истории! – заорал Злат, взмахнув руками. – Нет, ты не можешь оставить все вот так! Скажи, принц хотя бы смог отомстить?

Серильда задумалась, прижав палец к губам.

И вдруг заметила катушки, аккуратно сложенные у стены. Каждая сверкала и переливалась, будто золотая жила в заброшенном руднике.

– Ты закончил! – ахнула она и, шагнув к катушкам, хотела потрогать одну. Но Злат встал у нее на дороге.

– Э, нет. Не получишь, пока не расскажешь, что было дальше.

Серильда фыркнула.

– Я не знаю, что было дальше.

Надо было видеть его лицо – растерянное, испуганное, потрясенное.

– Как это ты не знаешь? Это же твоя история.

– Не всякая история соглашается открыть себя сразу. Попадают такие упрямые...

Пока он пытался переварить ее слова, Серильда поднырнула ему под руку и, схватив катушку, поднесла к горящей свече.

– Потрясающе. Это настоящее золото?

– Конечно, настоящее, – проворчал он. – Ты что же, думала, я тебя обману?

– Вообще-то, да. Думаю, ты это можешь, – и она сморщила нос.

Мрачное лицо юноши осветилось довольной улыбкой.

– Вообще-то, да, могу!

Серильда разглядывала крепкую и гибкую нить.

– Пожалуй, я могла бы полюбить это занятие, если бы у меня выходило что-то настолько же прекрасное.

– Ты не любишь прясть?

Она поморщилась.

– Нет. А ты разве любишь?

– Иногда. Это занятие мне... – он помедлил, подыскивая слово, – по душе. Оно меня успокаивает.

– Слышала я, что так говорят, – хмыкнула Серильда. – Но меня это занятие выводит из терпения. Я с самого начала жду не дождусь, когда кудель закончится.

– Зато тебе нравится рассказывать истории, – усмехнулся он.

– Да, это я люблю, – согласилась Серильда. – Вот так я и вляпалась в неприятности. Я помогаю учительнице в школе, и одна девочка сказала, что сочинять истории – примерно то же самое, что прясть из соломы золото. Ну, понимаешь, делать что-то прекрасное и сверкающее из ничего.

– *Эта* история не сверкала, – Злат покачался на пятках. – Там сплошь уныние, смерть и тьма.

– Ты говоришь так, будто это что-то плохое. Но, если речь о старинном искусстве плетения сказок, – с важным видом заявила Серильда, – тьма необходима, чтобы сильнее радоваться свету.

Злат поморщился. Потом собрался с духом и потянулся к Серильде. Она напряглась, но он всего лишь осторожно забрал у нее катушку. И все же – не показалось ли ей, что его прикосновение длилось на секунду дольше, чем было нужно, и что он сглотнул, когда клал катушку обратно?

Злат негромко кашлянул.

– Король внимателен к деталям. Он сразу заметит, если одной будет не хватать.

– Конечно, – шепнула Серильда, еще чувствуя покалывание в кончиках пальцев. – Я и не собиралась ее брать. Я не воровка.

Злат хмыкнул.

– Ты говоришь так, будто это что-то плохое.

Не успела Серильда придумать ответ поязвительнее, как послышались шаги.

Оба замерли. А потом, к ее удивлению, Злат в один прыжок оказался с ней рядом и взял ее руки в свои.

– Серильда!

Она прерывисто вздохнула, не зная, что больше ее поразило: прикосновение или то, с какой страстью он произнес ее имя.

– Довольна ли ты тем, как я выполнил задание?

– Что?

– Ты должна ответить, чтобы завершить сделку. Магические соглашения этого требуют.

– Ой. К-конечно, – она украдкой глянула на медальон, ярко выделявшийся на потертой куртке Злата. Внутри – портрет девочки, которая оставалась все такой же таинственной, хоть и вдохновила Серильду на эту печальную сказку.

– Да, задание выполнено, – сказала она. – Жаловаться не на что.

Это была чистая правда, хоть ей и не хотелось расставаться с медальоном. Этот мальчишка подарил ей надежду снова увидеть синее небо. Пообещал ей нечто невозможное и сделал это.

Злат едва заметно улыбнулся, и дыхание Серильды сбилось – такой искренней и грустной была эта улыбка. И вдруг новая неожиданность! Злат крепко сжал ее руку. Серильда подумала, что он собирается ее поцеловать, и это стало бы самым странным событием этой удивительной ночи.

Но он не поцеловал ей руку.
Он сделал нечто более странное.

Прикрыв глаза, он прижал ее пальцы к своей щеке, и это было подобно самой нежной ласке.

– Спасибо, – пробормотал он.
– За что?

Злат хотел что-то сказать, но заколебался. Большим пальцем коснулся золотого кольца, подаренного ей моховицами. С интересом всмотрелся в печатку с буквой «Р». Внимательно разглядывая вензель, сдвинул брови.

В замке звякнул ключ.
Серильда отстранилась, повернулась к двери.
– Удачи, – шепнул Злат.

Она оглянулась и застыла.
Злат исчез. Она осталась одна.
Дверь со скрипом отворилась.

Серильда выпрямилась, пытаясь сдержать дрожь. В каморку вошел Ольховый Король. Его слуга, одноглазый призрак, остался в коридоре, держа факел в высоко поднятой руке.

В нескольких шагах от двери король остановился, и в этот момент свеча, от которой осталась лишь лужица воска на оловянном подсвечнике, наконец сдалась. Огонек с тихим шипением погас, выпустив облачко черного дыма.

Темнота короля не смущала. Его взгляд скользнул по пустому полу, на котором не осталось ни одной соломинки. Затем – к прялке и, наконец, к аккуратно сложенным катушкам со сверкающей золотой нитью.

Серильде удалось изобразить что-то вроде реверанса.
– Ваша Мрачность... Надеюсь, вы хорошо поохотились.
Не удостоив ее взглядом, король шагнул вперед и взял одну катушку.
– Свет! – приказал он.

Слуга, покосившись на Серильду, шагнул вперед. Выглядел он удивленным.
Но улыбался.

Король придиричиво разглядывал пряжу. Серильда не дышала и нервно терла пальцем кольцо на руке. Прошла целая вечность, но наконец пальцы Эрлкинга сжали катушку.

– Назови свое имя.
– Серильда, мой господин.

Он долго, очень долго смотрел на нее. Прошло несколько столетий, прежде чем он снова заговорил:

– Кажется, я должен извиниться перед вами, леди Серильда. Я в вас сомневался. Я был уверен, что вы посмели дурачить меня. Что вы обманули меня и лишили законной добычи. Однако, – он взглянул на катушку, которую держал в руке, – по-видимому, Хульда действительно вас благословил.

Серильда вздернула подбородок.
– Надеюсь, вы довольны.

– Вполне, – кивнул король, хотя тон его оставался угрюмым. – Если не ошибаюсь, вы сказали, что благословение было даровано вам за заслуги вашей матушки-белошвейки.

Ой. Нагородив столько выдумок, трудно запомнить, что именно ты сочинила. Она попыталась вспомнить ту ночь и все, что она говорила королю, но мысли расплывались. Поэтому она пожала плечами:

– Так мне говорили. Но я не знала своей матери.
– Она умерла?
– Ушла, – ответила Серильда. – Бросила нас, едва отлучив меня от груди.

– Мать знала, что ее дитя благословлено богом, но не осталась, чтобы научить ее использовать этот дар?

– Не думаю, что она считала это благословением. В городе... Все его жители считают узор в моих глазах несчастливой отметиной. Они уверены, что я приношу неудачу, и я склонна думать, что вряд ли они ошибаются. Сегодня этот так называемый дар привел меня в темницу великого и ужасного Ольхового Короля.

Ей показалось, что Эрлкинг немного смягчился.

– Это правда, – хмыкнул он. – Однако суеверия смертных часто являются следствием их невежества. Их обвинения беспочвенны. Я бы не стал обращать на них внимания.

– Прошу меня простить, но королю Темных легко так говорить. Вам ведь не приходится тревожиться о затянувшейся зиме или неурожае. Порой суеверия – единственное, что боги дают нам в помощь, чтобы разобраться в том, как устроен этот мир. Суеверия... и еще истории.

– Ты думаешь, я поверю, что способность делать такое, – он поднял катушку с золотой нитью, – сулит несчастье?

Серильда смотрела на катушку. Она успела почти забыть, что Эрлкинг считал это ее благословением. И она задумалась о том, чем Злат считает свой талант – даром или проклятием?

– Насколько мне известно, – сказала она, – золото помогает справиться с бедами. Но порождает их не меньше.

Наступила тишина.

Серильда не решалась поднять глаза на Эрлкингом. Когда она все же это сделала, то увидела на его губах пугающую усмешку.

А потом – о ужас! – он рассмеялся.

У Серильды скрутило живот.

– Леди Серильда, – сказал король, и его голос прозвучал теплее. – Я видел немало смертных, но в тебе есть нечто необычное. И... занятное.

Эрлкинг подошел ближе, заслонив собой свет факела. Рука, не занятая катушкой, коснулась пряди волос, выбившейся из ее косы. Серильде нечасто приходилось разглядывать свое отражение, но, если она чем и гордилась, так это своими волосами, которые густыми волнами ниспадали до талии. Фриш сказал однажды, что цветом они точь-в-точь, как любимый выдержанный эль его отца – насыщенный, темно-коричневый. Только без белой пены наверху. Серильда тогда еще подумала, не обидеться ли ей, но потом решила, что это был комплимент.

Эрлкинг заправил непослушную прядь ей за ухо – его прикосновение было пугающе бережным.

Его пальцы коснулись ее щеки – прикосновение было легким, как паутина.

Серильда снова отвела взгляд. Странно, подумала она, два нежных прикосновения всего за несколько минут, – и такие разные. Ласка Злата показалась ей странной и неожиданной, но от нее щека вспыхнула теплом.

А все, что делал Эрлкинг, было точно рассчитанным. Он, кажется, уверен, что от его неземной красоты любое человеческое сердце начинает биться быстрее. Но, когда он коснулся ее, ей показалось, будто это прикосновение ядовитой змеи.

– Досадно, – тихо сказал он. – А ведь из тебя могла бы получиться красавица.

Серильде стало не по себе – не от обиды, а от того, что король стоял слишком близко. Отступив, он бросил катушку с пряжей призраку, и тот поймал ее.

– Отнеси все это в подвал.

– Слушаюсь, Ваша Мрачность. А что с девицей?

Серильда замерла.

Эрлкинг бросил на нее пренебрежительный взгляд, но затем в свете факелов блеснули его заостренные зубы.

– Пусть до восхода отдыхает в северной башне. Уверен, тяжелая работа ее измотала.

Король ушел, и Серильда осталась наедине с призраком.

Он встретился с ней взглядом... и улыбнулся.

– Подавиться мне метлой. Я догадывался, что в тебе что-то есть, неуловимое для глаза.

Серильда улыбнулась в ответ, но так и не решилась спросить, каким образом его глаз *уловил* долото.

– Я могу удивлять, если захочу.

Подхватив с пола плащ, она вышла из темницы. Вверх по винтовой лестнице, потом по узким коридорам... Мелькали гобелены, рога и головы зверей. Тонули в темноте мечи, топоры, тяжелые канделябры. Весь замок казался мрачным и жестоким – Эрлкингу это наверняка нравилось. Проходя мимо высокого стрельчатого окна, за сверкающими стеклами в свинцовых переплетах Серильда увидела темно-синее небо.

Близилась заря.

Никогда прежде ей не приходилось бодрствовать целую ночь напролет, и теперь она валилась с ног от усталости. Она плелась за призраком, с трудом держа глаза открытыми.

– Я все еще пленница? – спросила она.

Призрак долго не отвечал.

Очень долго.

И наконец Серильда догадалась, что он и не ответит.

Она нахмурилась.

– Надеюсь, в вашей башне лучше, чем в темнице, – сказала она, сдерживая зевок. Ноги почти не слушались ее, а призрак все шел и шел. Он провел ее вверх по другой лестнице, и наконец, пройдя в низкую сводчатую дверь, они оказались в гостиной, соединенной со спальней.

Даже усталость, заставлявшая глаза слипаться, не помешала Серильде замереть от восхищения. Эту комнату нельзя было назвать уютной, но от ее мрачной элегантности дух захватывало. На окнах занавеси из черного и нежного кружева. На умывальнике из черного дерева – фарфоровый кувшин и чаша с водой, расписанные винно-красными розами и большими, будто живыми, бабочками. Рядом с кроватью стоял небольшой столик, на нем горела зеленая свеча, а рядом Серильда увидела вазу с букетиком подснежников – их нежные головки красиво поникли. В очаге ревел огонь, над камином висела картина в роскошной раме – суровый зимний пейзаж, мрачный и пустынный, залитый сияющим лунным светом.

Но главным, что привлекло ее внимание, была чудесная кровать под балдахином, со всех сторон окруженная изумрудно-зелеными занавесями.

– Спасибо, – выдохнула она, когда призрак зажег свечу у кровати.

Призрак поклонился и направился к выходу, но у двери вдруг остановился. Он смотрел на Серильду со странным выражением лица.

– Ты когда-нибудь видела, как кошка охотится за мышью?

Удивленная тем, что он заговорил первым, Серильда ответила:

– Да. У моего отца на мельнице была кошка, которая отлично ловила мышей.

– Тогда ты знаешь, как они любят забавляться. Отпустят мышь, позволят поверить, что она свободна... А потом ловят ее снова и снова, пока не надоест – а уж тогда раз, и слопают.

Грудь Серильды сдавило.

Голос призрака звучал ровно, безжизненно, но его единственный глаз затуманила печаль.

– Ты спросила, узница ли ты, – продолжал он. – *Мы все узники.* Уж если Его Мрачность тебя заполучил, он тебя не отпустит.

Произнеся эти жуткие слова, он еще раз почтительно поклонился и ушел, оставив дверь открытой. *Незапертой.*

У Серильды хватило сил только убедиться, что при желании она сможет сбежать. Возможно, это ее единственный шанс. Но сердце, которое билось все медленнее, сказала ей, что сейчас это так же невозможно, как превратить солону в золото.

Спать хотелось отчаянно.

Серильда закрыла дверь спальни. Засова не было – ни снаружи, чтобы не дать ей уйти, ни изнутри, чтобы не впустить чужого.

Повернувшись к двери спиной, она позволила себе забыть о призраках, темницах и королях. О кошках и мышках. Об охотниках и добыче.

Серильда скинула туфли и отдернула бархатную штору. С ее губ сорвался радостный вздох, когда она увидела, какая роскошь ее ожидает – вышитое покрывало, накидка из овчины и *подушки*. Настоящие подушки, набитые пухом и перьями!

Сбросив грязное платье и обнаружив, что в складках юбки застряла солома, Серильда бросила одежду на пол, рядом с плащом. Она не стала тратить силы на то, чтобы надеть сорочку, и сразу залезла под одеяло. Перина уютно пружинила под ее весом, окутывая ее, обнимая. Самое чудесное ощущение, какое она когда-либо испытывала.

В небе за окном алела заря, и Серильда позволила себе насладиться этим моментом. Жуткая усталость, казалось, пропитывала ее кости, давила на веки, заставляла дыхание становиться все глубже, все ровнее...

Затягивала в сон.

Глава 14

Проснулась Серильда от холода.

Свернувшись клубочком, она пошарила вокруг, пытаясь натянуть на себя теплые одеяла, взбить пуховые подушки. Пальцы нащупали только тонкую нижнюю сорочку и ее собственные руки, покрытые гусиной кожей. Со стоном перевернувшись на другой бок, она зашевелила ногами, ища теплую овчинную накидку, которую, должно быть, сбросила во сне. Мягкую и тяжелую шкуру, которая так давила ей на ноги ночью.

Но вокруг не оказалось ничего кроме холодного зимнего воздуха.

Дрожа, она ледяными пальцами протерла глаза и заставила себя разлепить веки.

В окна лился солнечный свет, слишком яркий.

Она села, поморгала и прищурилась, чтобы видеть яснее.

Бархатные шторы балдахина исчезли, вот откуда холод и сквозняк. Пропали и одеяла, и подушки. В очаге было пусто – ничего, кроме сажи и пыли. Мебель оказалась на месте, только столик, стоявший у кровати, валялся на боку. Ни следа фарфоровой умывальной чаши, кувшина, свечи, вазочки с цветами. Стекла в одном из окон были выбиты. Легких, как паутинка, кружевных занавесок не было. С люстры и балдахина свисала паутина, покрытая такой густой пылью, что выглядела она как черная пряжа.

Выбравшись из кровати, Серильда бросилась к своему платью. Пальцы онемели от холода, и пришлось с минуту растирать их и отогревать дыханием, прежде чем она сумела застегнуть пуговицы. Сунув ноги в башмаки, она накинула на плечи плащ и завернулась в него с руками, как в одеяло. Сердце колотилось как бешеное – она поверить не могла, что видит перед собой ту же комнату, что и прошлой ночью. Точнее – ранним утром...

Сколько же она проспала?

Вряд ли больше нескольких часов, но спальня выглядела так, будто никто сюда лет сто не заглядывал. Она выбежала в гостиную. Роскошные кресла пахли гнилью и плесенью, обивка была изгрызена мышами.

Окончательно проснувшись, она стала спускаться по лестнице. Ее шаги отдавались гулким эхом. По каменным стенам сочилась вода, стекла в узких оконцах потрескались, или их не было вовсе. На ступенях, в щелях между камнями пробивались чахлые стебельки растений с шершавыми листьями, пробужденные к жизни падающими редкими лучами утреннего света и холодным, напитанным влагой воздухом.

Добравшись до первого этажа, Серильда снова вздрогнула.

Очевидно, что ее перенесли в другой мир или в другое время. Это не тот замок, в котором она заснула. Каменная кладка такая же, как в пиршественном зале, и люстры такие же огромные, но время и природа наложили свой отпечаток на стены. Плющ тянулся по полу, карабкался вверх по дверным косякам. В светильниках не было свечей. Исчезли ковры. А куда подевались все охотничьи трофеи и чучела, сделанные искусным чучельником?

У дальней стены висел гобелен, весь в лохмотьях. Серильда осторожно подошла к нему, хрустя башмаками по щебню и сухим листьям. Она узнала этот гобелен, изображавший огромного черного оленя на лесной поляне. Но прошлой ночью олень был пронзен дюжиной стрел и истекал кровью, так что было понятно – он вот-вот умрет. Теперь тот же самый зверь выщипался среди залитых светом деревьев, изящный и сильный, его огромные рога вздымались к луне.

Прошлой ночью жуткий гобелен был целым, а его краски – яркими. Теперь же этот гобелен был испорчен, весь в дырах, источен молью и плесенью, краски выцвели, а кое-где совсем исчезли.

Серильда тяжело сглотнула. Однажды она развлекала детей сказкой о короле, которого пригласили на свадьбу к людоедам. Боясь оскорбить их отказом, король принял приглашение, пировал на свадьбе и наслаждался гостеприимством. Он с удовольствием пил и ел, танцевал, пока не стер подошвы башмаков, а потом уснул, сытый и довольный. А когда проснулся, вокруг никого не было. Вернувшись домой, король обнаружил, что прошло целых сто лет. Вся его семья давно умерла, а королевство перешло в руки другого, и никто из живых не помнил, кто он такой.

Серильду, стоявшую около полуистлевшего гобелена, пронзил дикий страх – с ней, наверное, произошло то же самое.

Сколько лет прошло, пока она спала?

Где Эрлкинг и его призрачный двор?

Где Злат?

Она задумалась. Злат сумел ей помочь, он спас ей жизнь. Но еще он забрал у нее медальон, и это было неприятно.

– Эй! – неуверенно позвала Серильда. Ее голос пронесся по пустому залу и вернулся гулким эхом. – Куда все подевались?

Переступая через плети плюща и девичьего винограда, она пробралась в парадный зал. Пол был завален мусором. К балкам потолка лепились остатки птичьих гнезд. В огромном камине еще оставались следы черной сажи, но огонь в нем не разводили уже целую вечность. Обрывки ткани и веточки в углу очага были, вероятно, гнездом мышки-сонии или суслика.

Вдруг раздалось резкое *карр*.

Серильда обернулась.

На ножке опрокинутого стула сидела черная птица. Нахохлившись, она смотрела злобно, будто сердилась, что ее покой потревожили.

– Не смотри на меня так, – хмуро ответила Серильда. – Это ты напугала меня.

Птица склонила голову и сквозь висящие в воздухе пылинки Серильда увидела, что это нахткрапп.

Она выпрямилась и посмотрела прямо в его пустые глаза.

– Привет, – негромко сказала она. – Ты тот самый, что прилетал ко мне раньше? Или его потомок из будущего?

Нахткрапп ничего не ответил. Это адское создание было все-таки просто птицей.

Где-то в замке раздался громкий скрип – не то открылась дверь, не то под тяжестью камня и времени застонали стропила. Серильда прислушалась, не прозвучат ли шаги, но больше никаких звуков не было, кроме негромкого, умиротворяющего плеска волн на озере. Кроме шума крыльев диких птиц под высокими потолками. Кроме беготни грызунов вдоль стен.

Бросив последний взгляд на нахткраппа, Серильда двинулась в ту сторону, откуда, как ей показалось, раздался скрип. Она крадучись прошла по длинному узкому коридору и едва прошла мимо открытой двери, как снова услышала этот звук – протяжный стон тяжелого дерева и несмазанных петель.

Она остановилась и выглянула из дверного проема на лестницу. На стенах висели два незажженных факела, а наверху, едва различимая в темноте, виднелась закрытая стрельчатая дверь.

Серильда поднялась по лестнице, на каменных ступенях которой ноги множества людей за сотни лет оставили вмятины. Дверь открылась легко, лестницу залил мерцающий розовый свет.

Серильда попала в огромный коридор с семью узкими витражами во внешней стене. Яркие краски потускнели под слоем грязи, но изображения старых богов еще можно было узнать. Фрейдон собирал золотые стебли пшеницы. Сольвильда дула в паруса корабля. Хульда сидела за прялкой. Тирр готовился стрелять из лука. Эостриг сеял, бросал в землю семена. Велос

держал фонарь, чтобы вести за собой души в Ферлорен. Окно Велоса было разбито, несколько фрагментов одеяния бога растрескались и едва держались в свинцовой раме.

Седьмой бог, покровитель Серильды, Вирдит – бог сказок и удачи, лжи и судьбы. Чаще всего его изображали с колесом фортуны, но здесь художник решил показать его рассказчиком, держащим в одной руке золотое перо, а в другой пергаментный свиток.

Серильда устала на Вирдита, пытаясь почувствовать близость к существу, которое якобы даровало ей глаза с золотыми колесами и талант к обману. Но ничего не почувствовала. Вирдит сидел, окруженный оттенками изумрудно-зеленого и розового цветов, выглядел царственно и мудро и задумчиво глядел в небо, как будто даже богу приходилось дожидаться священного вдохновения.

Совсем не таким представляла Серильда своего лукавого обманщика-крестного – и не могла избавиться от ощущения, что художник ничего про него не понял.

Она отвернулась и пошла дальше. За последним витражом зал делал резкий поворот. Теперь по одной стене шли простые окна в свинцовых переплетах, выходившие на туманное озеро. Вдоль другой выстроились железные канделябры, в которых не было свечей.

Между канделябрами Серильда увидела полированные дубовые двери. Все были закрыты, кроме последней.

Увидев свет, льющийся на потертый и рваный ковер, Серильда остановилась. Она поняла, что это не дневной свет, не холодно-серый оттенок пасмурного неба. Этот свет не был похож на тот, что проникал через окна.

Он был теплым и мерцающим, как свет свечи, который дрожит, когда мимо проносятся танцующие тени. Серильда смахнула висевшую в коридоре паутину и двинулась к дверному проему. Ковер заглушал ее шаги. Она затаила дыхание.

До двери оставалось не больше десяти шагов, и тут она заметила уголок гобелена. Рисунок было не разобрать, но ее удивили насыщенные цвета – яркие и сочные, не поблекшие, как все остальное вокруг, такое тусклое, холодное, сгнившее.

Вокруг стало темнее, но Серильда была так занята гобеленом, что почти не заметила этого и сделала еще один шаг.

Откуда-то снизу, из глубины замка, донесся крик.

Серильда замерла. Вопль был полон страдания и муки.

Дверь перед ней захлопнулась сама собой.

Серильда отскочила назад, и тут за ее спиной раздался дикий визг. Над ней пронесся вихрь из крыльев и когтей. Завопив от ужаса, Серильда принялась отбиваться. Коготь рассек ей щеку. Она ударила в ответ и, кажется, задела крыло неведомой твари. Та зашипела и подалась назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.